

Владимир Волкович

Побеги

древа Византийского

**КНИГА ПЕРВАЯ.
ГЛУБИННЫЙ РАЗЛОМ**

Бестселлер (Союз писателей)

Владимир Волкович

**Побеги древа Византийского.
Книга первая. Глубинный разлом**

«Издательство «Союз писателей»

2018

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Волкович В.

Побеги древа Византийского. Книга первая. Глубинный разлом / В. Волкович — «Издательство «Союз писателей», 2018 — (Бестселлер (Союз писателей))

ISBN 978-5-00073-895-5

В двадцатый век Россия вошла кружась в ритме вальса. Аристократы, придворные, богатые купцы прожигали жизни на балах и парадах. Молодежь влюблялась и строила планы на светлое будущее. Михаил и Катя, отпрыски уважаемого дворянского рода, не были исключением. Она закончила институт благородных девиц, он служил в гвардии. Первая любовь, первые достижения, сладкие мечты – все рухнуло, когда пришла лихая година. Первая мировая война, затем революция не оставили камня на камне от привычной действительности. Каждому пришлось выбирать, как жить дальше. Миша остался верен чести, долгу и Родине, несмотря на все лишения и туманные перспективы. Катя предпочла уехать из страны и найти свое счастье за кордоном. Но они еще не знают, что испытания не окончены. Как бы трудно ни далась им адаптация, как бы хорошо они ни приспособились к новому, вскоре мир снова завертится в кровавом танце, поставив брата и сестру по разные стороны баррикад.

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-895-5

© Волкович В., 2018

© «Издательство «Союз
писателей», 2018

Содержание

Часть первая	7
Глава I	7
Глава II	10
Глава III	17
Глава IV	32
Глава V	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Владимир Волкович
Побеги древа Византийского.
Книга первая. Глубинный разлом

© Волкович В., 2018

© Издательство «Союз писателей», 2018

© ИИ Суховейко Д. А., 2018

Часть первая Перед грозой

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.*

Ф. И. Тютчев. «Цицерон»

Глава I Начало рода

– В 1078 году восстал против императора Византии губернатор города Диррахий¹ Никифор Вриенний Старший. Он разбил императорские войска и требовал свержения императора. Однако, несмотря на то, что император был свергнут и у власти в Византии встал Вотаниат, Вриенний продолжал мятеж и угрожал уже Константинополю. Тогда император вызвал военачальника Алексея Комнина:

– Алексей Комнин, тебе поручаю я разбить мятежника Вриенния, если не желает он принять от меня милости.

– О мой император, ты знаешь, что наместник Диррахия Никифор Вриенний хитрый и талантливый полководец.

– Тем более нужно его усмирить! – Император Вотаниат решительно поднялся с кресла. – Недаром же я даровал тебе титул нобилиссима. Уверен, ты сумеешь. – У него значительно больше сил, мой император...

– А у тебя значительно больше ума! – перебил его Вотаниат. – Возьми турок и пообещай им награду.

Алексей расположил войска империи на берегу реки Хальмирос рядом с фортом Каловария, решив сделать засаду. Послав разведчиков в войско Вриенния, он выяснил, что оно в два раза превосходит числом его собственное. Часть разведчиков попала в плен к мятежникам, и о замысле Алексея и численности его войска стало известно врагу.

Вриенний разделил свою армию на три части, которые расположились в две линии. В двух стадиях² в стороне находилось примкнувшее к нему подразделение печенегов.

Алексей Комнин выстроил своё войско перед противником и разделил его на две части. Левая часть, противостоящая самому сильному отряду Вриенния, состояла из элитных войск Византийской империи – франкских рыцарей и особого подразделения «бессмертных». Ею Алексей командовал лично. В правой части находились турки, которые ожидали прибытия ещё одного своего отряда. В скрытом резерве за флангом стояло подразделение, сформированное из «бессмертных». Это был главный козырь Алексея, в какой-то мере компенсирующий малую численность и неопытность его воинов.

«Вперёд!» – подал знак Комнин находящимся в засаде воинам, как только войско Вриенния выдвинулось в сторону линии обороны императорских сил.

---

¹ Диррахий (ныне Дуррес) – второй по величине и наиболее богатый достопримечательностями город Албании. Расположен на побережье Адриатического моря в 33 км западнее Тираны.

² Стадия – мера длины, равная 500 м.

Атака из засады вызвала замешательство в стане мятежников, но лично командовавший ими Никифор Вриенний остановил пытавшихся бежать и двинул вперёд вторую линию. Контратака была яростной, и отряд, напавший из засады, начал отступать. «Бессмертные» приняли бой, но, поняв, что фланг открыт, тоже отступили, дабы сохранить своих воинов.

– Получай! – крикнул Алексей, рванув на себя поводья с такой силой, что конь встал на дыбы, и воткнул меч в македонца, замахнувшегося для броска копья.

Вместе со своей свитой Комнин сражался в боевых порядках правой части войска и не сразу понял, что его левое крыло разбито. Тем временем печенеги атаковали правое крыло, и местный люд, набранный в войско императора, бросился бежать. Алексей вместе со своими ближайшими воинами сражался яростно, окружённый печенегами, но судьба его казалась предreshённой... Битва склонялась к проигрышу.

Однако Всевышний был на стороне Алексея. Печенеги, эти свирепые кочевники, сообразили, что у их хозяина, Вриенния, добычу можно забрать и без схватки. Они развернулись и поскакали грабить лагерь мятежника, после чего вовсе покинули поле битвы. Тем временем воины Вриенния уже окружали франков Комнина и его самого. Только теперь сообразил Алексей, в каком отчаянном положении он находится. Что же делать?..

– Приготовься! – крикнул он слуге. – Сейчас мы нападём на самого Никифора Вриенния!

– О нет, мой повелитель! Я не думаю, что это лучшее решение. Никифора хорошо охраняют, и нас убьют прежде, чем мы его достигнем!

– Ты прав. Тогда собери несколько воинов, и мы попробуем вырваться из окружения!

Шесть ратников, собранных слугой в горячке боя, окружили своего предводителя.

– Прорываемся в тыл мятежников! За мной! Вперёд! – приказал Алексей.

Воины рванули коней в галоп и вскоре прорвались в тыл противника, где их никто не ждал. После атаки печенегов на своих бывших союзников и разграбления лагеря Вриенния здесь царило полное замешательство. Алексей увидел парадную лошадь полководца, охраняемую двумя гвардейцами.

– За мной, туда! – указал он на животное. – Забираем его!

Воины поскакали следом. Алексей убил мечом одного гвардейца, второго закололи его сподвижники. Затем они вернулись на свои прежние позиции. Достигнув холма, Комнин начал перегруппировку императорских сил и послал гонцов к остаткам своего войска, чтобы объявить, что Никифор Вриенний убит: доказательством этому служит захваченная лошадь. В это же время прибыло ещё одно подразделение турок, которого Алексей так долго ждал. Дух его воинов, совсем было сломленный, заметно укрепился.

Однако войска Вриенния тоже не теряли времени даром: они окружили франкских рыцарей Алексея, и те уже готовы были сдаться. Но воины мятежников перемешались между собой, а резервы были рассеяны атакой печенегов.

– Воины, настало наше время! – обратился Алексей к войску. – В тылу противника разброд, войско Вриенния окружило наших франков и не ждёт нападения! Покажем силу нашего духа и разобьём мятежников! Вас ждут богатая добыча и много красивых женщин! Вперёд, к победе!..

На этот раз Комнин решил использовать турецких конных лучников, подошедших к концу боя. Он разделил свою вновь вдохновенную и рвущуюся в бой армию на три части. Две из них поставил в засаду, а оставшуюся, сформированную из самых надёжных «бессмертных», смешал с турками и возглавил. Целью их действий было нападение на мятежников и отступление, новое нападение и вновь отступление, чтобы заманить врага в засаду.

Атака Комнина застала врасплох воинов Вриенния, но, быстро оправившись, они бросились преследовать отступающих. Отступив, воины Алексея, в первую очередь турки, вновь нападали и повторно отступали. Вскоре враги вымотались, и согласованность их линий нарушилась.

Когда войска мятежников наконец достигли места засады, внезапно появившиеся отряды Комнина внесли панику в их ряды, и противник бросился бежать. Вриенний пытался остановить своих воинов, но безуспешно.

Алексею удалось пробиться к восставшему военачальнику:

– Сдавайся, Никифор! Твоя голова сейчас не стоит и драхмы!

Вриенний слез с коня и воткнул меч в землю. Так закончилась битва, названная впоследствии битвой при Каловарии.

Чуть позже Алексей Комнин разбил оставшихся в живых мятежников и печенегов и освободил Фракию и Фессалоники. Когда Комнин сам занял императорский трон, Вриенний был помилован и даже награждён, а его сын женился на дочери Алексея, Анне Комниной, и стал видным полководцем и историком. Алексей пожаловал ему титул кесаря.

Во время битвы при Каловарии Алексею Комнину было всего двадцать лет, однако он оказался не только талантливым военачальником, но и, как подтвердилось впоследствии, мудрым государственным деятелем.

Миша слушал отца, широко раскрыв глаза. Даже нижняя челюсть его красивого, породистого лица слегка отвисла. Он хотел что-то спросить, но Константин Михайлович, опередив его, продолжил свой рассказ:

– Тысячу лет назад на севере Греции располагалась древняя земля под названием Фракия. В географическом центре её возвышался город Адрианополь, а недалеко от него находилось небольшое местечко Комни. Столетиями жили здесь люди, занимавшиеся тяжёлым крестьянским трудом. Они пахали землю, выращивали скот, торговали. Постепенно, поколение за поколением, население разбогатело и начало скупать дешёвые земли за проливом Босфор в Пафлагонии. Пахотной земли в том месте было мало, зато скотоводство развивалось успешно и приносило огромную прибыль. Владельцы той земли, прибывшие из местечка Комни, выращивали прекрасных лошадей и славились искусными наездниками далеко за пределами своей области. Постепенно Комнины вышли в военачальники и правители различных территорий.

Константин Михайлович замолчал и задумчиво посмотрел вдаль, словно пытался разглядеть за окном таинственную страну Фракию.

– Так наша фамилия идёт оттуда, батюшка? – спросил Миша, глядя на отца большими глазами.

– Оттуда, сынок. Нашему роду более тысячи лет, он старше царского.

– А почему же мы там не остались?

– О, это долгая история... За один раз не расскажешь.

– А мы сможем туда поехать, в это место?

– Наверное, сможем, когда ты подрастёшь. Сейчас тебе всего десять лет, ты ещё мал и ничего не запомнишь.

– Я уже не маленький! Рассказывайте дальше.

– Поздно уже, Миша, пора спать. Напомни мне об этом позже, я расскажу тебе продолжение истории.

Однако этот рассказ растянулся на много лет.

Глава II

Паж

Он пытался, но всё никак не мог встать на свои ещё неокрепшие ноги. Голова перевешивала, и тело падало на соломенную подстилку, пахнущую летним зноем, грибными дождями и спелым зерном.

Конюхи обтирали дрожащее тельце тряпками, пока ржание вороной кобылицы не напомнило, что пора и ей облизать своего детёныша. Нежные материнские губы коснулись несуразного тельца с длинными, не по росту, ногами.

Михаил с интересом рассматривал вороного жеребёнка с белой звездой во лбу. Его с самого раннего детства тянуло к лошадям.

– Обратите внимание, ваше сиятельство, – обратился к Михаилу старший конюх Фёдор, – какая статья у жеребёнка необыкновенная! Знатная кровь! Породе его тысячи лет, от арабских скакунов идёт. За тридцать лет работы первый раз такого принимаю.

– Смотри, смотри, Фёдор! Он снова на ноги встать пытается! – восторженно прокричал Михаил.

Жеребёнок поднялся и тыкался своей мордочкой в тёплые, полные молока соски кобылы.

– Ванька! – позвал Фёдор молодого конюха. – Помогите малому.

Парень успокоил волнующуюся молодую кобылу, которая нервно перебирала ногами, и помог жеребёнку взять сосок.

– Михаил! – послышался зов отца. – Ты где?

– Здесь я, батюшка, сюда идите!

Князь вошёл в денник, где только что ожеребившаяся кобыла облизывала детёныша.

– О, какой красавец! – воскликнул Константин Михайлович, который понимал толк в лошадях, хотя в последнее время нечасто навещался на конюшню. – Скажи, Фёдор?

– Скажу, ваше сиятельство, – склонил перед князем голову Фёдор. – Вот я всю жизнь в конюхах состою, но жеребчик, что родился... не видал я краше за всю свою жизнь!

– Да, знатный вороной. Подрастёт – в Красное Село на скачки выйдет. Эх, где мои годы?.. – Он положил руку на плечо Михаила. – Это уже твоя доля, сынок.

– Как назовёте, ваше сиятельство? – спросил Фёдор.

– Подумать надо, – почесал голову князь.

Юноша протянул кобыле горбушку хлеба. Вороная прижала уши и отошла в угол, прикрывая от постороннего взгляда стоящего на слабых ногах детёныша.

– Ну что ты пугаешься? Разве я твоего сыночка обижу? – заговорил с ней Михаил. Но кобыла только косилась на него, прижимая уши, и не двигалась с места.

– Пошли, – потянул сына князь, – пусть она с жеребёнком побудет, для него это сейчас важнее всего. А нам на ужин надо.

Ужинали на высокой террасе большого господского дома в родовом имении Комниных Боровое. В тёплый, ясный летний день с террасы открывался изумительный вид на луга, поля и перелески Полтавщины.

За столом расположилась вся семья.

– Кэти, – обратился Михаил к сестре, приложившей козырьком ладонь ко лбу и внимательно разглядывающей что-то вдали.

– Да, Мишель?

– А ты знаешь, что меня приказом по корпусу перевели в камер-пажи?

– Нет, не слышала. А что, разве это звание присваивается за какие-то особые отличия? – Катя применила свой излюбленный иронический тон, который не всегда контролировала.

– За успехи в учёбе и отсутствие нареканий по поведению, – пропустив мимо ушей язвительные нотки, ответил брат.

– И что, тебе сейчас пансион увеличат?

– Да. Но не только это.

– А что же ещё?

– Я буду теперь нести службу при членах августейшей фамилии, семьях цесаревичей и великих князей. Присутствовать на балах, торжественных обедах и официальных церемониях. То есть везде, где нам положено находиться по протоколу.

– О! – искренне удивилась Катя. – Ты сможешь близко увидеть всю семью государя?

– Да. И если меня назначат нести службу непосредственно к императору, я получу в корпусе должность фельдфебеля и смогу в отсутствие ротного замещать его и руководить паже-ской ротой.

– Ну, расхвастался! – осадил сына отец. – Ты сначала стань старшим камер-пажом, а потом уже о должности фельдфебеля рассуждай.

– Стану, батюшка, не сомневайтесь, – твёрдо ответил Михаил и отправил в рот кусок курицы.

– Расскажи-ка лучше о занятиях. Что вам преподают?

– Ну что... – раздумчиво протянул Михаил, проглотив мясо. – Класс у нас специальный, офицерами будем выпускаться, потому и предметы военные. Фортификация, артиллерия, строевые упражнения, фехтование, стрельбы, выездка. Мой конный взвод будет выпускаться в кавалерийские полки, потому много времени уделяется верховой езде. Кроме этого, изучаем физику, алгебру, геометрию, высшую геометрию, статику, механику, географию, историю и русский язык. Немецкий, французский и английский – по специализации.

– Да, серьёзная программа, – подтвердил князь, в то время как Катя с восхищением и одновременно с некоторым недоверием глядела на брата.

– Батюшка, – обратился Михаил к отцу, сменив тему на ту, что его больше интересовала, – хочу предложить вам имя для жеребёнка.

– Ну-ка, ну-ка, – повернулся князь к сыну.

– Буцефал.

Князь замер, не донеся вилку до рта. Замерла и Катенька, это слово ей ни о чём не говорило. Приезжавшая на лето вместе с родителями и братом в Боровое из Петербурга, где она училась в Смольном институте, Катя совсем недавно вошла в подростковый возраст и была настоящим бесёнком, своевольным и решительным. Строгая, почти казарменная дисциплина женского учебного заведения поначалу была для неё мучительной, девочка получала множество взысканий. Однако со временем Катюша приспособилась и через несколько лет уже считала институт своим вторым домом. Зато на каникулах, когда вся семья собиралась летом в Боровом, частенько донимала более сдержанного старшего брата. Тем не менее нежная красота её прекрасно сочеталась с независимым характером. Три года разницы не мешали брату и сестре быть добрыми друзьями.

Из всей семьи сейчас лишь мать продолжала равнодушно жевать. Она в последнее время сильно болела и в редкие минуты, когда болезнь отступала, старалась поменьше двигаться и разговаривать.

– Это конь Александра Великого? – наконец прервал молчание князь.

– Да, – ответил Михаил. – На нём царь македонский завоевал полмира.

– Ой как интересно! – захлопала в ладоши Катя. – Расскажи, Мишель! Об Александре Македонском, великом завоевателе, я слышала, но о его коне никогда. Это, наверное, случилось очень давно, когда наших родителей ещё на свете не было и их родителей тоже?

– Это случилось больше двух тысяч лет назад, – торжественно, гордясь своими знаниями, начал Михаил. – Тогда не только наших родителей ещё не было, но даже Россия не существовала, а на этом самом месте в густом лесу жили дикие люди.

Катенька испуганно огляделась вокруг. Никаких лесов поблизости не наблюдалось, и только вдали белела берёзовая роща. Может быть, дикие люди прячутся там?

– И куда же они подевались? – внимательно глядя на брата, спросила Катя.

– Вымерли, – авторитетно заявил Михаил. – Вместо них появились мы.

– А лошадь, она у этих людей была?

– Это не лошадь, а конь. И звали его Буцефал. Был он не здесь, а в Древней Греции.

– Расскажи Кате поподробнее, она ещё это не изучала, – вмешался князь, – а я, пожалуй, пойду. Надо почитать, о чём в газетах нынче пишут. – Он вытер руки салфеткой, встал и направился к двери. – А по поводу имени я подумаю...

– Слушай, – начал рассказывать Михаил сестрёнке, – две тысячи лет назад на юге Европы существовала маленькая страна – Македония. И правил ею царь по имени Филипп. Привёл к нему однажды торговец лошадьми коня и предложил купить за огромную сумму – триста сорок килограммов серебра. Красив и великолепен был конь – вороной, с белой звездой на лбу, сильный, роста высокого. Одиннадцать лет ему уже было, но оставался до сих пор необъезженным. Никто не смог обуздать его, и царь решил отказаться от покупки. И тут появился сын его, Александр, – малец помоложе тебя. «Отец, – говорит, – разреши, я попробую!» Сначала царь не хотел его пускать, мал ещё, но тогда воинов с пелёнок воспитывали. И сказал царь сыну: «Дозволяю». Подбежал Александр к вороному, схватил за узду и сразу же повернул мордой к солнцу. Наблюдательным был парнишка и заметил, что конь пугается тени на земле впереди себя. Оттого и волнуется, строптивость показывает. Успокоил коня, погладил по холке, прошептал какие-то слова особенные и легко вскочил на него. В то время управляться с лошадью учили раньше, чем ходить. Сначала Александр натягивал поводья, потихоньку сдерживая вороного, а потом, когда почувствовал, что конь не сделает ему ничего плохого, дал ему волю. Буцефал рванулся вперёд как ветер, а молодой наездник стал подбадривать его криками и ударами пяток. Царь Филипп очень встревожился: а ну как конь сбросит сына на всём скаку? Однако Александр развернулся и подскакал к отцу, стоявшему с царской свитой. Спрыгнул с коня и сразу попал в отцовские объятия. Поцеловал его царь Филипп и сказал: «Ищи, Александр, царство по силе и уму твоему. Македония слишком мала для тебя».

Катя, затаив дыхание, слушала эту историю. И когда Михаил закончил, спросила:

– А что же с ними было дальше?

– А дальше Александр стал царём и великим полководцем, его армия завоевала много стран. И всегда Буцефал спасал его от врагов. Никто, кроме Александра, не мог сесть на этого коня, всех он сбрасывал. Однажды в битве ранили вороного, а поскольку он уже был стар и ослаблен, он умер. Долго горевал царь, даже город основал в честь Буцефала. Немного после этого и сам прожил, умер от яда.

– Кто же отравил его?..

– Это до сих пор тайной остаётся. После смерти Александра царства, им завоёванные, разделили между собой его военачальники.

– Мишель, надо уговорить папа, чтобы назвал жеребёнка Буцефалом!

– Нас теперь с тобой двое. Уговорим!

Минул год. Михаил приехал на летние каникулы в имение, куда уже привезли Катеньку и плохо видевшую к тому времени маман. Князь Константин Михайлович, директор Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий, был прикомандирован к посольству в Риме, но тоже приезжал летом в родовое имение.

Стояли тёплые деньки, лишь иногда шёл небольшой дождик, орошавший ещё зелёную луговую траву. Вокруг пасшихся кобылиц носились резвые жеребята. Набегавшись и наскакавшись наперегонки, они устремлялись к матерям, толкали мордочками соски и пили вкусное молоко. Они были воплощением молодости, свободы и воли. В подражание жеребцам юная поросль вставала на дыбы и устраивали шуточные бои за кобылиц. Но недолг срок, отпущенный лошадям, молодость их так быстротечна, а детство пролетает словно один миг...

Каждый день Михаил клал в карман кусок хлеба и бежал на конюшню. Быстро проходил по длинному коридору между денниками и спешил к Буцефалу. Жеребёнок осторожно прихватывал губами краюху с руки Михаила, а тот гладил его морду, разговаривая со своим любимцем.

– Скоро будет у тебя заездка, приучат тебя к седлу, к узде, будем скакать с тобой по полям, по лугам. А как подрастёшь, поедем на скачки. Ты, я знаю, не подведёшь меня, мы с тобой обязательно станем победителями!

Утром лошадей угнали на дальние выпасы, а к обеду прискакал Ванька на взмыленной кобыле.

– Беда, ваше сиятельство! Буцефал сломал ногу!

– Скачи за ветеринаром! – приказал ему князь и крикнул дворовым: – А вы запрягайте коляску!

Ещё издавек Михаил приметил Буцефала, понуро стоящего на трёх ногах. Левая передняя безжизненно болталась.

– Буцефал, как же это?! – спрашивал он, как будто конь мог ответить.

Ветеринар внимательно осмотрел конечность и заключил:

– Перелом. Всё. Амба. Даже если срастётся кость, к скачкам не годен.

– Ай-я-яй! – развёл руками старый князь. – А какие надежды подавал! Что делать будем, доктор?

– Ничего больше не остаётся, – констатировал врач. – Пристрелить надо, чтобы не мучился.

Князь покрутил головой:

– Жаль, но ничего не поделаешь.

– Ваше сиятельство! Разрешите, я вылечить попробую? – вдруг вмешался в разговор Фёдор.

– Не вылечишь, Фёдор, – откликнулся ветеринар, знавший конюха уже добрых три десятка лет. – Хромым навсегда останется.

– Всё, кончайте! – приказал князь, повернулся и направился к коляске.

Тут дорогу ему преградил Михаил. Он был ростом уже с отца, только стройнее его в два раза.

– Батюшка! Пусть Фёдор вылечить попробует, я прошу вас! – в глазах юноши стояли слёзы.

– Михаил, врач сказал, что напрасно это... Хромым навсегда останется. – Князь повернулся к сопровождавшему его управляющему с ружьём. – Кончайте быстрее!

– Ваше сиятельство! – вдруг выскочил перед князем Фёдор. – Константин Михалыч! Не губите животину!.. – Он бухнулся перед князем на колени. – Я же его вот этими руками принимал! Не губи, барин! Я столько лет тебе верой и правдой служил! Не для себя прошу, не губи... ради Михаила... сына твоего!

– А, чёрт с вами! – досадливо махнул рукой князь, садясь в коляску. – Забирайте.

Вечером все собрались за ужином. Наутро Михаилу и Катеньке предстояло ехать в Санкт-Петербург. В столичном особняке, которым владела семья Комниных, все жили только в зимнюю пору. Оттуда Михаилу следовало вернуться в Пажеский корпус, а Кате – в Смольный институт.

– Ну, видел государя? – пристала к брату неугомонная повзрослевшая Катенька.

– Конечно, – с достоинством ответил Михаил, – и не раз. Даже побеседовать довелось.

– Расскажи! – глаза у Кати заблестели. – Какой он?

– Ну, с виду обыкновенный офицер, однако стать выдаёт императора. Да и свита вокруг. Я не единожды службу при нём нёс, но он даже не глядел на меня. Однажды был выход в Богоявление Господне, я при дверях стоял. Государь мимо проходил, и платок у него выпал. Я подобрал и подал со словами «ваше величество». Он посмотрел на меня внимательно, но холодно и спрашивает: «Как зовут тебя, паж?» – «Михаил», – отвечаю, а сам стою ни жив ни мёртв. «Хорошо служишь, Михаил, молодец!» – говорит государь. А я ему: «Рад стараться, ваше величество!»

– Так прямо и назвал молодцом? – не поверила Катя.

– Да, так прямо и сказал. Мне потом директор благодарность объявил.

Вскоре Катю как самую маленькую отправили почивать, а Михаил обратился к отцу:

– Батюшка, расскажите ещё о нашем роде! Давно уже обещаете, да всё недосуг. Мы так редко встречаемся!

– Хорошо, слушай. Только недолго. Не забывай, что тебе завтра в дорогу.

Итак, до поры до времени Комнины не были широко известны. Первым из предков наших, удостоившихся упоминания в летописи, был Мануил Эротик. Более тысячи лет тому назад он прославился как защитник богатого города Никея от турок. А его сын Исаак стал императором Византийской империи. Только правил он недолго, его сместила другая династия.

Прошло двадцать лет. Подрос племянник Исаака Алексей. Он оказался очень способным человеком, талантливым военачальником и мудрым государственным деятелем. И в личной жизни ему повезло: он женился на Ирине, представительнице знатного и влиятельного рода, при помощи связей жены стал новым императором. Алексей правил тридцать семь лет, при нём Византия стала крепким и процветающим государством.

– А откуда у вас эти сведения, батюшка? – перебил его Михаил. – Ведь прошла без малого тысяча лет. Мы изучали Византию на уроках истории, и фамилия там наша попадалась. Ребята даже шутили: не потомок ли я императорского рода? Но я даже себе в этом боялся признаться! Никто не поверит, скажут, что хвастун. Да ещё кличку какую-нибудь обидную изобретут, у нас с этим запросто.

– Из разных источников почерпнул я сведения, сынок. Из летописей, рассказов современников, исследований историков. Жизнеописание Алексея, например, составила его дочь Анна Комнина. Называется этот труд «Алексиада». А теперь слушай дальше. Тебе интересно? Ведь нескоро ещё у меня найдётся свободное время, да и настрой особый нужен.

– Мне это очень интересно, батюшка! Рассказывайте, я слушаю.

Старый князь задумался, помешал ложечкой давно остывший чай.

– Ещё задолго до смерти, чувствуя её приближение, назначил Алексей наследником своего сына Иоанна. Однако та самая дочь Анна, которая написала «Алексиаду», была недовольна его решением. Она даже измыслила план, как заставить отца назначить преемником её мужа. Но император Алексей, хоть и семидесятилетний, что для того времени считалось глубокой старостью, не стал менять своего решения. Иоанн продолжил дело отца и почти всю свою жизнь провёл в военных походах, отражая атаки многочисленных врагов. Он был у власти двадцать пять лет.

– А вот скажите, батюшка, вы хотели бы жить в том далёком времени? – неожиданно спросил Михаил.

– Человек не выбирает, в какую пору ему жить... Перемещения во времени бывают только в фантастических романах. Каждому достаётся своё. Человек строит свою судьбу согласно собственному разумению.

– А если бы я родился в то время, я был бы другим? – настаивал Михаил.

– Возможно – другим, а возможно – таким же. Говорят, мы иногда повторяем судьбы своих предков, что-то передаётся потомкам через многие поколения. В общем, рассказываю дальше.

– Конечно, конечно, я слушаю, – откликнулся Михаил.

– Иоанн женился на венгерской принцессе, и родилось у них два сына. Младший – Мануил – стал хорошим военачальником. В то время, когда шли бесчисленные войны и из глубин азиатских пространств налетали толпы кочевников, это считалось главным достоинством. Когда Иоанн умирал, он назначил своим преемником именно Мануила, и его полководческий гений помог отстоять Византийскую империю от посягательств сицилийцев, венецианцев и турок.

Константин Михайлович замолчал и снова задумался.

– Ну а дальше? Что случилось дальше? – заворожённому Михаилу не терпелось услышать продолжение истории.

– А дальше началась кровавая междоусобица. Если помнишь, у Алексея Комнина было два сына: Иоанн и Исаак. Первый стал императором, а второй севастократором. Этот титул дословно переводится как «второй император», его придумал Алексей для своего старшего сына, чтобы ему не было слишком обидно. Так вот, второй сын Исаак женился на русской княжне из рода Рюриковичей. Тогда уже восточное христианство – православие – было распространено не только в Византии, но и в Киевской Руси. Статная и красивая это была женщина, как и все первые Рюриковичи. Родился у Исаака сын Андроник, а у Иоанна сын Мануил, которому суждено было по завещанию отца стать императором. Андроник же оставался в побочной ветви династии Комниных. Хотя двоюродные братья и воспитывались вместе, в голове Андроника вызревала зависть.

На славу уродился сын рода Рюриковичей Андроник: ростом более двух метров, красив, прекрасно сложен, силен физически, отменного здоровья и гордого нрава. Был он остроумен, имел прекрасную память, знал науки и Священное Писание. К тому же прослыл искусным воином, имеющим неукротимый характер, неудержимый в гневе. Ещё одну ипостась имел Андроник – был он страстным и неутомимым любовником, по которому сходили с ума многие знатные женщины Византийской империи. Жизнь Андроника была полна приключений, из которых он всегда выбирался благодаря своему острому уму, необыкновенной силе, решительности и воле.

Михаил с восторгом слушал отца и с нетерпением ожидал продолжения. Но Константин Михайлович, бросив быстрый взгляд на часы, спокойно и решительно проговорил:

– На сегодня всё, Миша. Завтра тебе ехать в Петербург, дорога неблизкая. Пора почитать.

– Ну, батюшка, ну ещё немножко! – совсем по-детски заканючил Михаил, однако князь решительно оборвал его:

– Продолжим в следующий раз.

Восемь долгих месяцев провисел Буцефал на растяжках. Фёдор с Ванькой каждый день делали ему массаж, кормили целебными отварами. Приезжал ветеринар, ставил уколы. Постепенно кость срослась. Фёдор с помощью Ваньки осторожно вывел Буцефала из денника, провёл по коридору во двор. За долгие месяцы болезни мышцы жеребца ослабли. С огромным трудом, поддерживаемый людьми, он сделал свои первые шаги.

– Ничего, мой хороший, всё наладится... Ты будешь скакать, прыгать на зависть всем! – говорил Фёдор, осторожно ведя Буцефала на поводу. – Вот придет молодой барин, порадует на тебя.

Михаил приехал в имение в конце лета. И сразу же побежал на конюшню. Буцефал встретил его радостным ржанием. Узнал!

Вывел его Михаил, вскочил в седло и тронул коня. Жеребец лишь слегка прихрамывал. – Не огорчайся, барин, – утешал его Фёдор, – когда в следующий раз приедешь, уже и не заметишь, что у него была нога сломана.

В этот приезд обстановка в имении показалась Михаилу грустной и скучной. Катенька, которую каждый год летом забирали из Смольного на вакацию³, на этот раз не приехала. Отец был в Италии, а мать плохо видела, страдала мигренью и мало что воспринимала. Всем заведовал управляющий.

«Поеду, пожалуй... Чего здесь сидеть? – думал Михаил. – В Петербурге сестрёнку навещу. Хотя порядки у них в Смольном строже, чем в Пажеском корпусе, – свиданий почти не дают! Ну да это не преграда... Если решил – выполню. Тем более выпускной класс. Старший камер-паж всегда имеет возможность отлучиться по своим делам. А если к государю назначат, тогда и должность фельдфебеля можно получить, и в отсутствие ротного офицера руководить всей пажеской ротой!»

---

³ Вакация (устар.) – свободное от учения или службы время, каникулы.

Глава III

Наследник престола

Луч заходящего солнца, проникнув в кабинет сквозь высокое стрельчатое окно, скользнул по нежно-коричневым стенам, по высоким портретам в золочёных рамках, по резной мебели из морёного дуба, лакированного под цвет стен, задержался ненадолго на зелёном сукне письменного стола и, наконец, высветил склонившегося над бумагами человека с худощавым лицом, украшенным большими усами и бакенбардами. Император поднял голову, слегка сощурился от солнца, погладил ладонью лысину и потянулся, расправив плечи.

Всю жизнь он работал в этом кабинете по одному и тому же раз и навсегда заведённому порядку. И огромная многонациональная империя за это время стала подстраиваться под своего монарха: рано ложиться и рано вставать.

Франц Иосиф с трудом поднялся из-за стола, опираясь на палку, и шаркающей походкой направился в другой конец комнаты. Там находилось небольшое изящное бюро, на котором стоял портрет сына. А рядом на стене висели огромные портреты – его самого и августейшей супруги, любимой Елизаветы, которую близкие звали мягким именем Сиси.

Император оценивающе посмотрел на своего отпрыска, которого уже более двадцати лет не было в живых, и поднял голову к портретам. Перед глазами возникла прелестная женщина, много лет назад ставшая его женой. Голова закружилась. Это случалось с ним в последнее время довольно часто. Как-никак, девятый десяток уже наполовину пройден!

Франц Иосиф повернулся, сделал два шага до стоящего рядом кресла, опустился на мягкое сиденье и закрыл глаза...

– Едут! Едут! – закричал младший брат Франца Карл Людвиг. Он с самого утра торчал на балконе гостиничного особняка и смотрел на дорогу.

Городок Бад-Ишль привольно раскинулся в самом центре горного массива Восточных Альп, где речушка Ишль впадает в реку Траун, правый приток Дуная. В этой красивой горно-лесистой местности дикие племена, живущие на этих горах, шиш ещё с незапамятных времён минеральную воду, чудесным образом излечиваясь от многих болезней. Однако настоящую известность городок получил после того, как лечившаяся здесь от бесплодия императрица София родила четырёх сыновей. Один из них – Франц Иосиф – в восемнадцать лет стал императором. София с детьми выезжала в это чудесное место каждое лето, и пока у них не появился собственный дом, они всей семьёй останавливались в гостинице.

– Где?.. – на балконе появился Франц Иосиф. Он уже пять лет был императором Австрийской империи, и мать решила, что для сына наступила пора жениться. Жену подобрала по собственному усмотрению – старшую дочь своей сестры Людовики. Хелена была вполне подходящей партией: довольно умна и выдержанна, но в её красивом лице проглядывали жёсткие и слишком энергичные для двадцатилетней девушки черты. Возможно, для будущей императрицы это было как раз то, что нужно. Франц сгорал от нетерпения поскорее воочию увидеть свою избранницу.

– Вон же, вон! Пыль клубится! – показывал рукою младший брат.

Император достал подзорную трубу и приник к окуляру.

– Ну что там, видишь их? – кричал Карл в нетерпении.

– Вижу Нену⁴ в карете с матерью. А что там за девушка верхом, не могу разобрать...

– Это Сиси, это Сиси! – запрыгал от радости Карл Людвиг.

---

⁴ Нена – уменьшительное имя невесты Франца Иосифа Хелены.

Франц Иосиф, подняв бровь, укоризненно взглянул на брата. Их младшую двоюродную сестру звали Елизавета. Сиси было домашним именем.

Пять лет назад, когда он только занял трон, ему довелось увидеть своих кузин. Они приезжали в Инсбрук по приглашению его матери. Однако десятилетняя девочка совсем не заинтересовала его. Да и не до неё было новоявленному императору. В государстве началась революция, дядя отрёкся от престола, а отец отказался от прав наследования. Так восемнадцатилетний Франц Иосиф оказался во главе многонациональной державы Габсбургов. Восстание удалось подавить благодаря помощи русского царя, пославшего свои войска. Это и помогло Францу Иосифу укрепиться на троне. Однако молодой император воспринял это как унижение, хотя Николай Первый рассчитывал на благодарность.

Все последующие годы Франц Иосиф твёрдо выступал против Российской империи. Он писал матери:

«Наше будущее – на востоке, и мы загоним мощь и влияние России в те пределы, за которые она вышла только по причине слабости и разброда в нашем лагере. Медленно, желательнее незаметно для царя Николая, но верно мы доведём русскую политику до краха. Конечно, нехорошо выступать против старых друзей, но в политике иначе нельзя, а наш естественный противник на востоке – Россия».

Это подлое отношение к дружественной стране, помогшей в трудную минуту, стране, которой Франц Иосиф был обязан престолом, в конечном итоге погубило могучую державу Габсбургов – Австро-Венгрию.

Герцогиня Людовика с дочерьми остановилась в том же отеле, где проживала семья императора. Пять лет назад нежная, открытая, ласковая и впечатлительная Елизавета сразу стала любимицей всех окружающих. Однако мать, глядя на свою десятилетнюю дочь, думала только о том, насколько нелегко будет выдать её замуж, ведь она далеко не красавица. Круглым лицом она больше походила на дочерей дровосеков и булочников, чем на представительницу знатного баварского рода.

Однако сейчас, когда Сиси исполнилось пятнадцать, наступил именно тот возраст, когда природа проделывает с девушками удивительные метаморфозы. Во всяком случае, мать с нескрываемым удивлением выслушивала восторги по поводу внешности младшей дочери. Франц Иосиф ещё не успел увидеться со своей наречённой Хеленой, а в каждом углу ишлинского отеля уже все разговаривали только о Елизавете.

В прошлый свой визит подвижную, жизнерадостную, но не очень красивую девочку оценил лишь младший брат Франца Карл Людвиг. Между Карлом и Елизаветой завязалась романтическая переписка, они даже обменивались подарками, и родители не препятствовали этому общению. Сиси упросила мать взять её с собой на помолвку старшей сестры. Девушку привлекало путешествие из Баварии в Вену, значительную часть которого она надеялась совершить верхом. Лошади были её страстью, она могла ехать в седле по многу часов, не уставая.

И вот наконец наступило время совместного ужина. Герцогиня Людовика заняла своё место за столом, рядом устроилась её младшая дочь. Молодому императору отчего-то захотелось сесть рядом с Елизаветой, и он обратился к матери:

– Я хочу занять вон то место, – показал он на другую сторону стола.

– Франц, сейчас помолвка, ты должен сидеть рядом со своей невестой! – сердито ответила мать. И, видя, что сын колеблется, добавила: – Не хватало ещё, чтобы император нарушил веками заведённый этикет!

Франц Иосиф сел рядом с Хеленой, но ни разу даже не взглянул на неё. Целый вечер он не отрывал глаз от маленькой прелестницы, сидевшей напротив. Невеста, скучая рядом с женихом, уныло ковыряла вилкой в тарелке.

Карл Людвиг первым заметил, что Франц заинтересовался Елизаветой, которая стала настоящей красавицей. А вскоре и сам старший сын признался Софии, что хотел бы жениться именно на Сиси.

– Посмотрите, маман, какая она милая, какие бархатные у неё глаза! А губы – как спелая земляника.

– Ты увлёкся не той девушкой, сын!

– Маман, могли бы вы узнать у тётушки Людовики, согласится ли Сиси выйти за меня? – решительно обратился он к матери.

– Франц, мы уже обо всём договорились! Твоя невеста – Хелена.

– А мне нравится Сиси!

В этот момент эрцгерцогиня отчётливо осознала, что её власть над сыном, которого она сделала императором, уговорив мужа отказаться от трона в его пользу, не бесконечна. София была очень недовольна выбором сына, ведь всё пошло не так, как она намечала, а эрцгерцогиня не любила, когда кто-то нарушал её планы. Но, смилив гордыню, она ответила:

– Хорошо, я поговорю с Людовикой.

– Прошу вас, маман, особо оговорить, чтобы на Сиси не оказывалось никакого давления и она была свободна в своём выборе.

Людовика, выслушав сестру и опасаясь, что брак может вовсе не состояться, дала согласие. Пусть не старшая, так младшая дочь будет императрицей.

Через день на балу в нарушение всех правил этикета Франц Иосиф, решительно забыв о Хелене, два раза подряд приглашал Елизавету на котильон⁵, что практически значило предложение руки и сердца.

После бала Людовика пригласила Елизавету в свои покои для разговора.

– Сиси, я должна сообщить тебе, что император Франц Иосиф просит твоей руки. Я не возражаю против этого брака, но не хочу давить на тебя и заставлять выходить за него против воли.

Сиси почувствовала, как сильно забилося её сердце. Она, конечно, понимала, что очень нравится Францу и он не скрывает этого.

– Скажи, испытываешь ли ты к нему влечение?

Елизавета покраснела, прижала руки к груди и едва слышно прошептала:

– Я люблю его, маменька... Ах, если бы он только не был императором! – Девушка рыдалась.

– Не бойся, доченька. Ты станешь императрицей могущественнейшего государства Европы!

Получив согласие Елизаветы на брак, император во время мессы объявил о помолвке.

Молодые все дни проводили вместе, гуляли по окрестностям, много беседовали. Любопытная, живая, сообразительная Елизавета как губка впитывала рассказы образованного государя. Не раз, бывало, они забирались в глухие места, которых было множество на поросших лесом горах. Там они сидели обнявшись и целовались, распаляясь всё больше. Руки Франца порхали по юному трепещущему телу девушки, забирались под пышные юбки, и та шептала, задыхаясь:

– О нет, мой любимый... подожди... я всё равно твоя...

– Сиси, я так люблю тебя! Я не дожусь этой свадьбы!

– Нам нельзя, ты же знаешь...

– Я умру, Сиси, я так хочу тебя!

---

⁵ Котильон – бальный танец французского происхождения. В 1775 году это название закрепилось за танцем, во время которого были видны нижние юбки. Особое распространение он получил в середине XIX века в странах Европы и в России. Котильон объединял несколько самостоятельных танцев (вальс, мазурка, полька) и исполнялся всеми участниками в конце бала.

– Подожди, любимый, осталось совсем недолго.

В конце лета они расстались: император вернулся в Вену, где его ждали дела, а Елизавета отправилась в родовое имение Поссенхофен, где начались приготовления к свадьбе.

Теперь Елизавете казалось, что могучий поток подхватил её и несёт к чему-то неизведанному, волнующему и вместе с тем страшному. Она чувствовала себя героиней какой-то сказки. Молодой красивый император буквально сводил её с ума. Всё это начинало походить на любовь, о которой она сочиняла свои наивные стихи. Бурная подготовка к брачной церемонии, призванной своей роскошью затмить всё ранее виденное Веной, просто потрясала её. Маленькая Сиси даже подумать не могла, какие душевные муки ей предстоит перенести в будущем...

Ах, Поссенхофен, чудесное имение на берегу живописнейшего озера, окружённого лесистыми холмами! Выезжая туда с семьёй на лето из строгого баварского Мюнхена, Елизавета попадала в совершенно другой мир. Именно это дивное место она считала своей родиной. Здесь можно было запросто заходить в крестьянские дома, где её хорошо знали и любили, без страха брать в руки любую крестьянскую живность. Она упростила отца устроить рядом с их домом небольшой зверинец. Отец научил Елизавету рисовать, и вскоре никого уже не удивляло, когда принцесса уходила далеко в луга, чтобы запечатлеть в альбоме цветы и облака, плывущие над её маленьким раем.

Считая месяцы, оставшиеся до дня свадьбы, девушка с грустью понимала, что даже если она вернётся сюда в будущем, то никогда уже не будет так свободна, беспечна и жизнерадостна... Детство кончилось.

Свадьбу назначили на апрель. Накануне будущая императрица прибыла в рыцарскую академию на окраине Вены, откуда по традиции невесты императоров торжественно въезжали в столицу.

Вечером от сильного волнения Елизавета расплакалась.

– Сиси, что с тобой? – занервничала Людовика, боявшаяся, что с дочерью случится припадок и свадьба будет отложена. – Соберись, девочка моя, ведь это радостный день!

Елизавета согласна кивала головой, но рыдания её не прекращались. Вокруг бегали нянюшки, подавали воду и напитки, но никто не мог успокоить девушку.

Однако к утру невеста всё же смогла взять себя в руки и в карете, расписанной самим Рубенсом, выехала в Хофбург – зимнюю резиденцию Габсбургов, где её встречал император. Оттуда молодожёны направились в церковь на венчание.

На Елизавете было роскошное платье, её великолепные волосы украшала подаренная свекровью диадема. Трепещущая в ожидании предстоящей церемонии, Елизавета, выходя из кареты, зацепилась за её дверцу, и диадема едва не упала с головы.

– Наберись терпения, – шепнул жених, – мы быстро забудем весь этот кошмар.

Но кошмар для молодой императрицы только начинался. Буквально с первых дней восшествия на престол она почувствовала себя словно в мышеловке. Вот только шанса изменить свою жизнь для неё уже не существовало. Быть императрицей – это навсегда.

Свекровь со свойственной ей жёсткостью начала лепить из тонкой, нежной, чувственной девочки некое подобие сфинкса – свою копно. Дворцовая жизнь и отношения между приближёнными к императорскому двору показались Сиси ярчайшим проявлением притворства и лицемерия. А важнейшему правилу, господствовавшему над всем этим царством цинизма, – «казаться, а не быть» – Елизавета в силу своего характера следовать была не в состоянии. Она дичилась всех и вся, никому не доверяла, выказывая почти неприкрытое презрение.

Через два дня после свадьбы Франц уже работал в своём кабинете в Шёнбрунне по раз и навсегда заведённому распорядку.

– Милый, – пыталась достучаться до супруга Елизавета, – ты даже представить себе не можешь, как мне тяжело!

– Пойми, Сиси, это принятый ещё моим дедом дворцовый этикет, который необходимо соблюдать, находясь на имперском троне.

– Но твоя матушка ограничила круг моего общения аристократическими семействами – двадцатью тремя мужчинами и двумястами двадцатью тремя женщинами. Эти люди скучны и неинтересны!

– Я очень люблю тебя, Сиси, но я уважаю свою мать, которая заботится о государственных интересах и о нас с тобой. Наберись терпения! Постепенно ты привыкнешь, а потом мы с тобой отправимся путешествовать.

Елизавета была в полном отчаянье, она не знала, чем занять себя, и часами сидела перед клеткой с попугаями, пытаясь научить их говорить.

Через две недели после свадьбы она написала стихи:

*Я проснулась в темнице,
На моих руках оковы.
Мною всё больше овладевает тоска —
А ты, свобода, отвернулась от меня!*

Когда императрица родила дочь, свекровь тут же забрала её в свои покои и назвала собственным именем. Елизавета пришла в отчаянье, душа её испытывала невероятные муки, она была на грани нервного срыва.

– Сиси, родная, что с тобой? – как-то обратил на неё внимание император, оторвавшись от постоянного просмотра бесчисленных документов, в которые был погружён целыми днями.

– Ничего, милый. Я просто схожу с ума.

– На тебе лица нет! Что-то случилось?

– То, что случилось, уже не исправить, – загадочно произнесла она.

– Я могу чем-то помочь? Ты не просишь меня ни о чём.

– Как я смею? Ведь для этого ты должен оторваться от государственных дел.

– Говори, я выполню любую твою просьбу!

– Я хочу поехать туда, где прошло моё детство, где я была счастлива...

Только тогда Франц Иосиф, серьёзно опасаясь за здоровье любимой жены, увёз её в имение Поссенхофен. Лишь там он увидел на всегдашнем печальном лице своей Сиси счастливую улыбку. Радость переполняла её. Она бродила по полям и лугам, как в детстве, беседовала с простыми крестьянами, дышала чистым воздухом окрестных лесов. И никому не рассказывала о своей жизни в императорском дворце Вены. Лишь с Хеленой, старшей сестрой, которую ей всегда ставили в пример, состоялся такой разговор:

– Завидую я тебе, Сиси. Ты теперь императрица! Все почести. И власть.

– Ах, Хелена, радуйся, – ответила Елизавета, – я спасла тебя от очень невесёлой участи и отдала бы всё, чтобы прямо сейчас поменяться с тобою местами!

– Неужели тебе так плохо живётся? А я была уверена, что ты в раю, – не поверила Хелена.

– Да, так и живётся, – ответила ей Сиси и добавила: – Если это можно назвать жизнью.

Через год Елизавета родила ещё одну дочь, и так же, как и первую, её забрала к себе свекровь. Императрица впала в ступор, перестала разговаривать. Тут взбунтовался всегда молчавший в таких случаях император:

– Маман! Я требую прекратить вмешательство в мою семейную жизнь!

– Я забочусь только о тебе и о целостности государства. Твоя жена и твоё потомство принадлежат империи.

– Моя жена и мои дети принадлежат в первую очередь мне! Отныне наши дети будут находиться в моих покоях!

София окончательно поняла, что сын стал взрослым и её влияние на него закончилось. Она объявила открытую войну невестке, и отношения между ними стали крайне напряжёнными.

Через год императорская чета совершила поездку в Венгрию, взяв с собой детей. Елизавета открывала для себя эту страну, и она ей всё больше нравилась. Когда она с мужем находилась в Дебрецене – старинном городе, центре революции, которую жестоко подавила эрцгерцогиня София, – пришла телеграмма из Будапешта, извещавшая, что оставленные в столице дети тяжело заболели. Одиннадцать часов просидела императрица у изголовья умирающей старшей дочери, но выздоровления её так и не дождалась.

Супруги возвратились в Вену. Елизавета тяжело переживала смерть дочери, винила во всём себя. Она замкнулась, не желала никого видеть, проводила целые дни, гуляя по парку или катаясь верхом в одиночестве.

Когда император уходил на войну против Франции и Италии, Елизавета, чтобы поднять дух солдат, прибежала на площадь, где они готовились к выступлению. Той ночью в пламени факелов императрица предстала перед многотысячной армией босоногая, в просвечивающем насквозь платье, с распущенными длинными, доходящими до щиколоток, волосами, в бриллиантовой диадеме. Она кричала:

– Победу тебе, император!.. Только победу! А вам, славные воины, мужества!

Рёв молодых мужчин был ей ответом. В этом виде она являлась Францу Иосифу во снах до конца его жизни.

Вскоре родился долгожданный наследник – Рудольф. Роды оказались тяжёлыми. Елизавета поправлялась медленно, и Софья, воспользовавшись моментом, забрала ребёнка к себе. На борьбу со свекровью у императрицы больше не оставалось сил. Франц Иосиф уехал на войну, и некому было вступить за Сиси. Спасало то, что Елизавета начала изучать венгерский язык и довольно скоро овладела им в совершенстве. Её библиотека пополнялась книгами венгерских авторов, в ближайшем окружении появилась уроженка Венгрии, ставшая её первой и единственной настоящей подругой. Венгры поначалу настороженно относились к молодой императрице, сравнивая её с жестокой свекровью, но им очень хотелось верить, что эта красавица с лучезарным взглядом сможет как-то повлиять на императора и его отношение к венгерскому вопросу изменится.

Августейшая пара хранила своё чувство, зародившееся в маленьком горном городке. Однажды императрице передали письмо:

«Мой дорогой ангел!

Я снова остался один на один со своими печальями и заботами. И чувствую, как мне тебя не хватает, я по-прежнему люблю тебя больше всего на свете и совсем не могу жить без тебя. Мне так трудно и одиноко без твоей поддержки. Мне больше ничего не остаётся, как терпеливо сносить ставшее уже привычным одиночество...

Твой печальный муженёк».

Елизавета беспокоилась за мужа, плакала, но не позволяла себе жаловаться на жизнь, хотя нервы её были натянуты до предела. Она мало ела, ежедневно ссорилась с надменной Софией и пыталась спастись от придворного окружения, совершая длительные пешие или верховые прогулки.

Когда Франц Иосиф возвратился домой, его жена заметно похудела, а её психика сильно расшаталась.

– Милый, я очень хочу, чтобы ты смог урегулировать отношения с венграми. Они хорошие люди и ничем не угрожают монархии.

– Сиси, ты не очень разбираешься в государственных делах. Предоставить свободу венграм – значит разрушить империю!

– Франц, если ты будешь всё время действовать кнутом, то империю будут сотрясать революции и она всё равно разрушится!

– Ты считаешь, что возможно предоставить венграм свободу и сохранить целостность державы?

– Несомненно! Дарование Венгрии права на самоопределение не несёт никакой угрозы для державного могущества.

Постепенное подведение мужа к воплощению её просьбы в реальность принесло свои плоды. Вскоре в венгерском парламенте был зачитан указ о восстановлении конституции страны, а затем была провозглашена Австро-Венгерская империя.

Елизавета отнеслась к этому событию как к собственному триумфу, подтверждавшему то высокое положение, которое ей по воле судьбы пришлось занять.

Шли годы. Красота императрицы не только не меркла, но и как будто расцветала. В Вену стали частенько заезжать любопытствующие в надежде хоть краем глаза взглянуть на легендарную красавицу и убедиться в том, что многочисленные художники, писавшие её портреты, ничуть не льстили августейшей особе. Портреты эти обычно заказывал Франц Иосиф.

– Сиси, сегодня в Вену приехал знаменитый художник Георг Рааб.

– Не хочешь ли ты сказать, милый, что я опять должна позировать? Я не люблю этих живописцев.

– Ты же знаешь, Сиси, я постоянно нахожусь под магией твоего обаяния и красоты. Я хочу, чтобы твоё изображение было повсюду, чтобы ты глядела на меня со всех стен – такая разная и такая любимая!

– Хорошо, милый. Но пусть рядом со мной будут лошадь или собака, ведь я так люблю животных.

– Как тебе будет угодно.

В кабинете императора, прямо перед его глазами, до последнего дня жизни висел портрет любимой им женщины.

Через шесть лет после свадьбы Елизавета, фактически лишённая детей, испытывающая постоянное давление свекрови, замечая осуждающие взгляды и слышащая недвусмысленные реплики придворных, решила временно покинуть Вену. С этого момента начались её бесконечные скитания, не прекращающиеся до самой смерти. Она возвращалась в столицу лишь на два месяца в году, чтобы побыть с детьми и увидеться с Францем, который любил её.

Императрица знала, что у императора есть любовницы, и сначала негодовала по этому поводу. Он вымаливал у неё прощение, а она демонстративно не пускала его в свою спальню. Однако, поняв, что её многомесячные отлучки провоцируют его любовные связи, она стала относиться к ним спокойно.

Елизавета лишь издали могла наблюдать за воспитанием наследника, не имея возможности вмешиваться. С самого начала из Рудольфа пытались сделать военного, применяя совершенно ужасные для маленького мальчика методы: обливали холодной водой, заставляли по несколько часов заниматься на улице в снег и дождь, будили ночью, стреляя над ухом из пистолета. Психика ребёнка была совершенно расшатана.

Лишь однажды Сиси удалось уволить наставника, который, по её мнению, использовал слишком жестокие методики, но даже после этого она не стала ближе к сыну. Мальчик очень страдал оттого, что не мог чаще видеть мать.

Рудольф рос, взрослел и всё больше беспокоил императора. Он совсем не походил на отца, скорее, напоминал мать своими либеральными взглядами и неприемлемостью абсолютизма. Юноша общался с простолюдинами, посещал различные собрания, но при этом отли-

чался неразборчивостью в любовных связях. Всё это наряду с психической неуравновешенностью и нервным истощением могло кончиться плохо.

Император решил пригласить сына на разговор под предлогом того, что давно с ним не виделся.

– Разрешите, отец?

– Рудольф! Я рад тебя видеть! – Император поднялся, чтобы обнять наследника, и был поражён его видом. – Ты не болен случаем?

– Да, отец, я болен. – Рудольф сел, потом встал и начал нервно расхаживать по кабинету.

– Что за болезнь у тебя? Ты был у доктора?

– Мне уже не нужны доктора... Они всё равно не помогут.

Франц Иосиф нервно потёр руки.

– Так назови свою болезнь.

Рудольф остановился напротив и громко выдохнул:

– Сифилис!

Франц Иосиф поёжился и покачал головой:

– Эх тебя угораздило... Как же это случилось?

– Теперь уже поздно говорить как. Осталось только медленно умирать. А я не хочу медленно!

– Рудольф, не горячись. Я говорил тебе ранее, что связи с девицами лёгкого поведения ни к чему хорошему не приведут! Ты – наследник трона и должен вести себя соответственно. Займись лечением, у нас хорошие доктора, сейчас открыли новые методы... И прекрати свои недостойные знакомства!

– Все методы я уже перепробовал... Погляди на меня, мне с каждым днём становится всё хуже! Я отравлен этой ртутью! У меня всё болит, я задыхаюсь, я не могу так больше жить! А что касается девиц... у меня был хороший пример – мой отец.

Император побагровел, что случилось с ним довольно редко. Гнев ударил ему в голову, но он сдержался, как привык сдерживать себя всю жизнь. Взяв себя в руки, он сделал вид, что не расслышал последнюю фразу.

– Рудольф – ты мой сын, ты – наследник трона. Подумай, ведь тебе придётся стать императором после моей смерти! А теперь можешь идти.

Молодой человек постоял некоторое время перед родителем, как будто обдумывая его слова, потом медленно произнёс:

– Я отказываюсь от престола.

Он повернулся и направился к выходу, но в дверях обернулся и закончил:

– И от такой жизни.

Император долго и тупо смотрел в дверь, закрывшуюся за его сыном.

В имении Майерлинг были найдены трупы кронпринца Рудольфа и его любовницы – юной баронессы Марии фон Вечера. По всей видимости, Рудольф сначала застрелил Марию, а потом себя.

«Из протокола следственного управления полиции Вены:

Следователь полиции:

– Расскажите, пожалуйста, какие отношения были у вас с кронпринцем Рудольфом?

Мицци Каспар – субретка⁶:

– Меня связывали с покойным очень близкие отношения.

Следователь:

---

⁶ Элитная проститутка.

– Вы часто с ним встречались? Вы знали, что у него есть и другие знакомые женщины? Он дарил вам что-нибудь?

Мицци Каспар:

– Да, мы часто встречались с кронпринцем, он посвящал меня во все свои дела. Несмотря на то, что у него были и другие женщины, он относился ко мне по-особенному.

Следователь:

– В чём это заключалось?

Мицци Каспар:

– Два года назад Рудольф купил мне в подарок трёхэтажный дом за шестьдесят тысяч гульденов. Иногда делал мне подарки наличными и украшениями на сумму до ста тридцати тысяч гульденов.

Следователь:

– Вы замечали за ним что-то необычное в последние дни? Последнюю ночь вы провели вместе?

Мицци Каспар:

– Все последние дни он был взвинчен и говорил только о самоубийстве. Предлагал совершить его вместе. Я отказалась и немедленно сообщила в полицию, но там не обратили на это никакого внимания. Последнюю, или, как он выразился, “прощальную ночь”, Рудольф провёл у меня. Он уговаривал меня закончить жизнь самоубийством и, когда понял, что я не соглашусь, ушёл под утро.

Следователь:

– Зачем, как вы считаете, он уговаривал вас?

Мицци Каспар:

– Я думаю, он боялся уходить из жизни в одиночку⁷.

В минуты невыносимого горя только что получившая известие о гибели сына Елизавета выказала нечеловеческую выдержку. Именно она сделала то, на что не решился никто другой: сообщила мужу, что их сына больше нет. Она первой увидела Рудольфа в гробу, укрытого по грудь белым саваном. На мгновение ей показалось, что он просто заснул со странной улыбкой на губах. Только в эти страшные минуты, пока муж ещё не появился, она дала волю своему отчаянию. Упав на колени перед мёртвым телом, она забилась в рыданиях.

Во время траурной церемонии в окружении чужих равнодушных лиц Елизавета держалась из последних сил. Никто не видел её лица под густой чёрной вуалью. Франц Иосиф, опасаясь нервного припадка, умолял её не присутствовать при погребении.

До глубокой ночи Сиси сидела неподвижно, глядя в стену невидящим взором. Потом оделась и незаметно выскользнула из дворца. На улице она остановила первый попавшийся в этот поздний час фиакр, который отвёз её к монастырю капуцинов, где обрёл последний приют Рудольф. Монах, дежуривший у склепа, предложил проводить её, но Елизавета отказалась. Спустившись в склеп, освещённый тусклым светом факелов, императрица упала на колени и, едва сдерживая крик, произнесла:

– Мальчик мой, что же ты наделал?..

Десять лет до самой своей смерти, этого нелепого убийства, Елизавета прощалась с бранным миром, раздавая свои многочисленные вещи, самые лучшие и нарядные. Жизнь для неё потеряла смысл. Она заперлась в особняке в Бад-Ишль, где познакомилась с Францем и встретила свою любовь, и пыталась вернуться в прошлое, стать той нежной и восторженной пятнадцатилетней девочкой, живущей в ожидании счастья. Но прошлое невозвратно, и маленький

---

⁷ Мицци Каспар (настоящее имя Мария) умерла спустя восемнадцать лет от сифилиса, которым заразилась предположительно от Рудольфа.

особняк превратился в тюрьму, которую она сама для себя сотворила. Император беспокоился о душевном здоровье супруги, которую продолжал любить так же сильно, как в молодости. Он приложил все усилия, чтобы уговорить Сиси покинуть особняк, надеясь, что с годами боль от горя утихнет. И это ему вроде бы удалось. Но Елизавета с новой силой ринулась в путешествия, в блуждание по свету, как раненый зверь, который пытается найти место, где можно хотя бы на минуту забыться и унять невыносимую боль. Её память и разум при этом находились в полном порядке. Она просто очень переживала за мужа, думая, что её метания и непреходящая скорбь будут ему в тягость.

Франц Иосиф, по-своему переживая смерть сына, топил горе в работе: государственные дела требовали его постоянного присутствия в кабинете. Елизавета прекрасно знала о любовницах императора, поскольку давным-давно не жила с ним как супруга. Беспокоясь о муже, который, несмотря на всё, был ей по-прежнему близок, она даже решила подыскать для Франца Иосифа достойную подругу. Это предполагало и её личную свободу, и возможность заниматься тем, что стало смыслом её жизни: бесконечными путешествиями, перемещениями из города в город, из страны в страну. Единственное условие состояло в том, что женщина не должна претендовать на то, чтобы стать императрицей. В конце концов Елизавета остановила свой выбор на молоденькой хорошенькой артистке Венского императорского театра Катарине Шратт, жене венгерского аристократа. Катарина была очень доброй женщиной и не настаивала ни на каких привилегиях. По мнению Елизаветы, именно она могла дать Францу Иосифу то счастье, которого он был лишён по её вине.

Императрица встретила с актрисой и подружилась. Вскоре встречи императора с Катариной стали практически публичными. Австрийцы относились к увлечению своего монарха спокойно, и только дочери Гизела и Валерия неоднократно говорили ему, что эта связь бросает тень на всю императорскую фамилию и такое поведение недостойно главы империи. Гизела откровенно жаловалась матери на отца, но Елизавета была равнодушна:

– Мои крылья сгорели... Я хочу лишь покоя. Знаешь, дитя моё, слово «счастье» давно не имеет для меня никакого смысла. Однако твой отец не виноват в этом... Если бы Господь призвал меня к себе, император был бы ничем не связан...

Почувствовав себя свободной от супружеских обязанностей и беспокойства за Франца, Елизавета продолжила вояж по свету. Вновь замелькали города и страны. Вскоре она приехала в Женеву. И этот город стал для неё роковым.

Императрица всегда путешествовала инкогнито и без охраны; скрывая лицо и имя, она гуляла по городу в сопровождении одной из спутниц, а чаще всего одна. Ей уже исполнилось шестьдесят, но фигура была как у молодой женщины, и лицо казалось неподвластным времени. Репортёры охотились за ней и, несмотря на все ухищрения, смогли выяснить, в каком отеле она остановилась.

Газеты писали: «Жаль, что её истинный облик не под силу передать ни одному художнику и что есть на свете люди, которые её никогда не видели. Лучше не смотреть на неё слишком внимательно. Иначе можно не заметить, как сердце начинает охватывать какое-то непонятное томление».

Прямо на бульваре во время очередной прогулки она была убита итальянским анархистом. Удар заточкой – заострённым трёхгранным напильником – сбил её с ног, оставив крохотную колотую ранку в области сердца. Но Елизавета не почувствовала боли и не осознала случившегося. Решив, что нападавший просто хотел сорвать с неё украшения, она поднялась и попыталась продолжить прогулку. Лишь спустя некоторое время императрица почувствовала сильную слабость, опустилась на землю и потеряла сознание. Так исполнилось её желание, высказанное после смерти сына: «Я тоже хотела бы умереть от небольшой раны в сердце, через которую улетит моя душа, но я желаю, чтобы это произошло вдали от тех, кого я люблю».

Катарина знала, что до знакомства с нею у императора уже были любовницы. Однажды она получила оскорбительное анонимное письмо. Вечером, как обычно, в её скромную квартиру приехал Франц Иосиф. И не узнал прежде внимательную, добрую и мягкую подругу.

– Кати, что с тобой, мой милый друг?

Вместо ответа женщина подала ему письмо. Император быстро пробежал его глазами.

– Ну, стоит ли обращать внимание на такие пустяки!

– Конечно стоит! И это совсем не пустяки! Я не хочу, чтобы меня оскорбляли.

– Я дам команду найти этого подлеца.

– Пусть ищут, а я поеду добиваться развода с бароном Киссом.

– И что изменится, если ты этого добьёшься?..

– Многое может измениться... Я стану свободна и смогу снова выйти замуж.

– У тебя есть подходящая кандидатура?

– Возможно, да.

– Можно полюбопытствовать, кто он?

– Это вы, сир, – после недолгого молчания робко прошептала Катарина.

Император удивлённо взглянул на свою любовницу, и выражение его лица резко поменялось. Из мягкого и приветливого оно тотчас стало жёстким и твёрдым. Даже слегка побагровело, что свидетельствовало о скрытом гневе. Глаза стали маленькими и колючими.

– Что ты надумала, Кати?! Забыла, что я женат и люблю свою жену?.. Твои фантазии никогда не станут реальностью! Выбрось эту глупую идею из головы и езжай куда хочешь!

Не попрощавшись, император покинул квартиру Катарину. Он был просто взбешён и всю дорогу до замка Хофбург не мог успокоиться.

Собрав вещи, Катарина уехала сначала в Брюссель, потом в Баварию, а затем в Рим. В Риме она добилась аудиенции у Папы и получила его благословение на расторжение брака со своим мужем, бароном Киссом. Её отсутствие в Австрии затянулось.

Франц Иосиф, рассердившись на Катарину, к которой тем не менее испытывал самые нежные чувства, пребывал в невыносимом одиночестве. Неудивительно, что он вспомнил о женщине, которая так хорошо умела утешать его в трудные минуты. Четырнадцать лет они были вместе. Такую пылкую, страстную любовницу мужчине не забыть, даже если он император крупнейшей в Европе монархии. Конечно, сейчас, когда прошло уже несколько лет после того, как доверенный человек императора во дворце вручил ей крупную сумму и взял с неё расписку о молчании по поводу их связи, Франц Иосиф стал значительно старше. Когда-то он не пожелал признать своими двух её детей. Для того чтобы они не были незаконнорождёнными, по его приказу ей подсунили в мужья Франца Наговски, известного дамского угодника.

Через некоторое время к дому, расположенному неподалёку от Шёнбруннского дворца, подъехала карета. Незнакомый человек сообщил Анне, что завтра вечером её инкогнито посетит известное ей лицо, и передал туго набитый денежными купюрами конверт.

Анна сразу поняла, о ком идёт речь, и удивилась: они с Францем Иосифом не встречались с тех пор, как в его жизни появилась Катарина Шратт.

– Здравствуй, Ани... Не ожидала, что я вновь появлюсь в твоей жизни?

– Да, ваше величество, не ожидала.

– Как тебе живётся, как дети? С мужем, как мне известно, ты разошлась...

– Живу скромно, дети растут. Не беспокойтесь, им неизвестно, кто их отец. С мужем я рассталась, от него только лишние затраты.

– Соскучился я по тебе, Ани! По твоим ласковым рукам, по горячему телу. Я старею и уже не так пылок. Но ты, знаю, заведёшь...

– Я всегда говорила и сейчас подтверждаю, что готова служить вашему величеству.

– Ну зачем же так? Ты не на службе. Я вспоминаю о тебе с приятными чувствами и сегодня захотел ещё раз испытать их наяву.

Император подошёл к Анне, взял её руку, провёл своей по плечу и спине.

– Не желаете ли, ваше величество, выпить чего-нибудь?

– Не откажусь.

– Тогда я приготовлю вам зажигательный напиток.

Через некоторое время Франц Иосиф, сидя рядом с Анной, наслаждался её нежной, мягкой кожей, которая слегка пульсировала и напрягалась под его ласкающими пальцами. Вскоре воздух в комнате наполнился томлением, страстными поцелуями, горячим шёпотом и стонами любви...

– Когда мы увидимся ещё, ваше величество? – спросила Анна, запахивая халат и принимая от императора увесистую пачку денег.

– О том я извещу тебя, мой любезный друг, – ответил Франц, уходя.

По приезду Катарини размолвка между нею и императором была забыта. У Франца снова появился понимающий, образованный, участливый друг. И эти качества бывшей актрисы значили для него ничуть не меньше, чем её привлекательность и возможность наслаждаться ею как женщиной.

Прошёл год.

– Разрешите, ваше величество? – дверь кабинета слегка приоткрылась, и в проёме показался личный камердинер императора Ойген Кеттрль.

– Да, Ойген.

– Одна дама просит у вас аудиенцию.

Франц Иосиф оторвал взгляд от бумаг:

– Она знакома тебе?

– Да, ваше величество. Она бывала здесь несколько лет назад.

– Проси.

В кабинет вошла Анна Наговски.

– Разрешите, ваше величество?

– Анна, тебе не хватило средств?

– Я пришла не за этим.

– Так зачем же? Я не имею никаких планов в отношении тебя.

– Я родила ребёнка. В последние два года у меня не было мужчин.

– Значит, ты родила от святого духа? – насмешливо бросил император. – Или ты вновь хочешь сказать, что...

– Да, ваше величество, в этом нет никакого сомнения.

– Запомни, Анна, у меня не было и не будет внебрачных детей!

– Я не собираюсь никого оповещать об этом ребёнке. Я написала расписку, в которой поклялась хранить молчание, и не нарушу его.

– Чего же ты хочешь?

– Только одного: чтобы мой сын смог получить хорошее образование и воспитание.

Император задумался. Затем встал, прошёлся по кабинету и вновь опустился на стул.

– Могу предложить тебе такой вариант: ты передаёшь ребёнка одной из бездетных дворянских семей. При этом полностью отказываешься от прав на него. Те люди будут знать только то, что ты его мать. И всё. Ребёнок предварительно должен пройти медицинское освидетельствование. Я дам указание подыскать усыновителей и помочь оформить все бумаги.

Анна не могла вымолвить ни слова, предложение императора потрясло её. Через силу она смогла выдать только:

– Я не знаю... – И тяжело вздохнула.

– Понимаю, тебе надо всё обдумать, свыкнуться с этой мыслью. Но это лучшее из всего, что можно придумать. Как только примешь решение, сообщи мне. Приходить сюда больше не надо. А теперь прощай.

Император встал, давая понять, что аудиенция окончена. Анна вышла.

Громко пробили часы. Франц Иосиф поднял голову и в недоумении оглянулся вокруг. Что это с ним, опять заснул в кресле? А может, просто устал за день и мозг отказался работать? Вся жизнь пролетела перед глазами. Говорят, это бывает в самом конце её.

Ах, эта война совсем некстати... Вряд ли можно её выиграть. Пожалуй, время ложиться отдыхать. Завтра торжественный смотр выпускников военного училища.

Маленький чёрный автомобиль императора въехал в обширный двор через резные чугунные ворота. Солнечные лучи отражались в эполетах выпускников офицерского училища, ярко сверкали на трубах застывшего по стойке смирно оркестра.

Франц Иосиф, поддерживаемый одним из офицеров, вышел из машины и оглядел застывший строй кадетов. «Красивые молодые люди, – подумал он, – а сколько из них погибнет в пожирающем пламени войны...» Слегка опираясь на палку, император двинулся к ожидавшему его широкому каре выпускников. За ним потянулись сопровождающие.

Оркестр грянул марш. Франц Иосиф, шагая вдоль строя, вглядывался в молодые вдохновенные лица, горящие преданностью и патриотизмом глаза, и благодарственное чувство к этим юным подданным, защитникам Отечества, готовым умереть за своего императора, переполняло его.

Лица, лица, лица... Безусые и со щегольской растительностью, горбоносые и с приплюснутыми носами, худощавые и полные, бледные и розовощёкие. Глаза с прищуром и широко распахнутые, всех цветов и оттенков...

Вдруг император резко остановился. Шедший сзади офицер чуть было не налетел на него. Около минуты постояв неподвижно, видимо что-то обдумывая, Франц Иосиф развернулся и подошёл к кадету, мимо которого только что прошёл. Из застывшей шеренги выпускников на него глядел его сын. Это было невероятно! Франц Иосиф вглядывался в лицо юноши, находя в нём собственные черты.

– Здравствуйте, господин кадет, – заговорил с ним император, нарушив принятый этикет.

– Здравия желаю, ваше величество! – громко и внятно ответил тот.

– Вы готовы идти на фронт и сражаться, защищая империю?

– Так точно, ваше величество, готов!

– Как ваше имя, господин кадет?

– Рудольф... – Император вздрогнул, но сейчас же взял себя в руки. – Рудольф фон Краузе.

– Желаю успехов в службе!

– Благодарю, ваше величество!

Когда закончился смотр, Франц Иосиф, тяжело садясь в машину, обратился к сопровождавшему его офицеру:

– Попросите сделать для меня выписку по этому выпускнику. Биография, кто, откуда, успехи в учёбе...

– Слушаюсь, ваше величество.

Вечером, когда тишина опустилась на дворец Шёнбрунн, император задумчиво вглядывался в строки служебной записки: «... отец – барон Фридрих фон Краузе – известный путешественник и писатель. Нобилитован как барон за заслуги перед империей. Сын Рудольф родился, когда отец окончательно вернулся из своих путешествий в африканские страны. Рудольф – двадцати лет, окончил военное училище, отличается примерным поведением и успехами в постижении наук. Развит, хорошо образован, обладает взвешенным темпераментом, быстрым умом и решительностью. Рекомендуются к производству в офицерский корпус».

Франц Иосиф уже закончил в уме подсчёты, связанные с датой рождения кадета, когда раздался бой часов. Всё сходится. Пора идти отдыхать.

На следующий день император поручил с особой секретностью разузнать, родной ли сын у барона фон Краузе или приёмный. Узнав результаты, в которых он почти не сомневался, Франц Иосиф выразил желание видеть Рудольфа среди дворцовой охраны после присвоения ему офицерского звания.

Минуло два месяца.

– Разрешите, ваше величество?

– Заходи, Рудольф.

– Вы приглашали меня...

– Да, присаживайся.

Рудольф опустил в кресло у письменного стола.

– Мне сообщили, что ты подал рапорт об отправке на фронт?

– Так точно, ваше величество.

– А зачем? Разве тебе здесь плохо?

– Здесь мне хорошо, ваше величество, но я офицер и хочу защищать Родину.

– Разве здесь ты не охраняешь своего императора, который неотделим от неё?

– Да, это так. Однако я хочу защищать Отечество в бою.

– Но ведь там могут убить!

– Я не собираюсь умирать. Но если доведётся погибнуть, то не посрамлю свою империю и государя!

– Ты хороший офицер, Рудольф, и я не хотел бы с тобой расставаться. Подумай об этом, а я приглашу тебя через несколько дней.

Когда лейтенант фон Краузе покинул кабинет императора, Франц Иосиф углубился в раздумья.

«Конечно, этот парень только внешне похож на того законнорождённого Рудольфа... Но он честен и верен, умён и решителен, спокоен и уверен в себе, в нём нет тех нервических выпадов, какие демонстрировал погибший... Как жаль, что ему никогда не наследовать трон и даже не узнать, кто он на самом деле. Этот сын был бы прекрасным императором... Так не хочется расставаться с ним... Судьба в очередной раз посмеялась надо мной: тот, кто должен был занять трон по праву законного наследования, оказался не готовым и поспешил уйти из жизни, а тому, кто готов, никогда не стать императором...»

Прошла ещё неделя, прежде чем император вновь пригласил к себе Рудольфа. Он надеялся, что за этот срок юноша передумает и останется при дворце. Но тот человек, которого он увидел на этот раз, уже отличался от скромного юноши, с которым он беседовал в прошлый раз.

– Ну как, Рудольф, я надеюсь, ты хорошо подумал и изменил своё решение?

– Да, я всё обдумал, ваше величество. Но в своём решении только укрепился.

– Жаль, мой мальчик, ты мог бы прекрасно и без опасности для жизни служить государству и здесь. Но я не могу и не хочу препятствовать твоей воле.

– Позвольте вопрос, ваше величество?

– Да, конечно.

– Могу ли я узнать, почему вы проявляете ко мне такой интерес? Я всего лишь молодой человек, только что получивший офицерское звание.

– Всего лишь...

Император задумался и надолго замолчал.

– Видишь ли, мне не безразлична твоя судьба... Спросишь почему? Я не могу ответить на этот вопрос.

Франц Иосиф снова умолк, видно было, что ему тяжело даётся эта тема.

– Тогда разрешите, я отвечу за вас, ваше величество?

Император только кивнул.

– Я знаю всё.

Франц Иосиф глядел на Рудольфа во все глаза, но и тот не отводил взгляда.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Мне известно моё происхождение.

Наступила длительная пауза. Император, опершись локтем о стол, прикрыл ладонью глаза.

– Когда тебе стало это известно?

– На прошлой неделе.

– Расскажи, как это произошло.

– Около дома, где я проживаю, меня окликнула незнакомая женщина. Я очень удивился, что она знает моё имя. Но ещё более был поражён, когда она предложила рассказать мне одну важную историю. Женщина была прилично одета и говорила с такой искренностью, что я согласился выслушать её. Мы направились в кафе, заняли столик, и первая сказанная ею фраза была такой: «Я твоя мать, Рудольф».

Франц Иосиф чуть заметно вздрогнул от этих слов, но продолжал сидеть в той же позе, прикрыв ладонью глаза. Казалось, он дремал.

– Она рассказала мне обо всём. Я считал себя сильным человеком, но всё услышанное настолько потрясло меня, что я долго не мог произнести ни слова. Она поведала, почему нарушила данное ею слово о молчании. Каким-то образом она узнала о том, что ухожу на войну, видимо, все эти годы следила за моей судьбой. Сказала, что очень больна: болезнь неизлечима, и иных шансов увидеть меня у неё не остаётся.

Император как будто очнулся и внимательно посмотрел на молодого человека.

– Прости меня, сын...

– Ну что вы, ваше величество! Зато теперь вы понимаете, что находиться в Австрии я более не могу. У меня остался только один выход – туда, на войну.

Рудольф встал. Поднялся и Франц Иосиф. Покачиваясь, император подошёл к сыну и долго смотрел ему в глаза. Они были почти одного роста, и сейчас их схожесть особенно бросалась в глаза. Государь погладил сына по волосам, как маленького, его глаза предательски заблестели.

Рудольф опустился на одно колено, взял руку отца и поцеловал. Затем повернулся и вышел не прощаясь. Оба знали, что увидеться им вновь не доведётся никогда.

Глава IV

На пороге взрослой жизни

*Там, за дальней далью,
в алых парусах
отцвело с печалью
время на часах,
там за поворотом снова поворот,
знать бы изначально,
что меня там ждёт...*

Инна Костяковская

Попасть на свидание с сестрой Михаилу довелось не скоро. Кроме верховой езды, которой на последнем году обучения уделялось значительное время, у будущих офицеров имелся плотный график придворных церемоний.

За последние два года Михаил заметно вытянулся и раздался в плечах, чем неизменно привлекал внимание окружающих. В сочетании с блестящей успеваемостью, успехами в военных науках, языках и выезде это предопределило его назначение к государю. Теперь ему приходилось принимать участие во многих дворцовых службах, поэтому возможность посетить Катю в Смольном появилась у него только после праздничных выходов на Новый год, в Богоявление Господне и большого бала в высочайшем присутствии – в очередную субботу, когда девушкам разрешалось видеться с родными.

Михаил вошёл в большую залу и не сразу разглядел сестру среди стоящих кучкой девушек. Она очень изменилась за последний год: подросла, по-женски оформилась, округлилась, на нежном юном лице играл румянец.

«Как хороша!» – отметил про себя Михаил, когда сестрёнка бросилась ему на шею.

– Мишель! – Катя крепко обняла брата и начала рассматривать его ладно сидящий на фигуре парадный мундир с двумя нашивками на погонах, галуны на карманах и шпагу. – Ух, какой ты стал!

– Ну а ты, Катюша, просто красавица! – не остался в долгу Михаил. – Пойдём присядем где-нибудь.

– Подожди, я хочу познакомить тебя со своей подругой.

Катя взяла Михаила под локоть и отвела в сторонку. Только сейчас юноша заметил симпатичную девушку, стоящую в углу и напряжённо смотрящую на брата и сестру

– Знакомьтесь, – Катя повела рукою в её сторону.

Михаил отметил про себя, что барышня очень смутилась. Она сделала книксен и едва слышно прошептала:

– Даша.

Щёлкнув каблуками и по-военному склонив голову, Михаил представился.

– Ну как ты, Мишель? – тормошила его Катя. – Что дома? Как родители?

– Хорошо, – машинально ответил он, не сводя глаз с Даши.

Он отметил про себя тонкие черты её бледного лица с маленькими подростковыми прыщиками; зелёный омут глаз, в основном опущенных долу и прикрываемых длинными ресницами; распущенные в нарушение институтских правил тяжёлые тёмные волосы, ниспадающие сверкающими в свете ламп волнами, и точёную фигурку, угадывающуюся под белым форменным платьем с синим передником и пелеринкой. Как же можно было смотреть на что-то другое?..

– Катюша, я вам, наверное, мешаю... – неожиданно проговорила Даша. – Тогда я, пожалуй, пойду...

Михаил, слегка оторопевший от нежного, тонкого, мелодичного голоска, поспешил заверить новую знакомую в обратном:

– Что вы, что вы! Вы нам нисколько не мешаете! – И, чуть помолчав, добавил: – Даже наоборот.

Катя едва улыбнулась краешками губ:

– Может быть, уйти лучше мне, Мишель?

Наступила неловкая пауза, которая была прервана вошедшей в залу классной дамой. Строгим и как будто даже ненавидящим взором она оглядела присутствующих и металлическим тоном произнесла:

– Всех, к кому не приехали родственники, попрошу покинуть помещение!

Даша сразу заторопилась, видимо не ожидая от наставницы ничего хорошего. Однако острый взгляд менторши уже выцепил её из толпы.

– Это что ещё такое?! Почему волосы распущены?.. Вы думаете, Новосельская, что в старшем классе можно вести себя свободно и не подчиняться порядкам?!

Даша, опустив голову, молчала.

– Слышишь, негодница?! Сколько можно делать вам замечания, дубина! Давно наказаний не получала? Марш в дортуар!

В зале воцарилась тишина. Все воспитанницы прекрасно знали, что возражать и тем более оправдываться было нельзя, поскольку это могло грозить строгим наказанием, что прекрасно вписывалось в казарменные порядки Смольного. И пускай в выпускном классе контроль классных дам за воспитанницами был ослаблен, порядки нарушать не дозволялось никому.

Тем временем дородная дама грозно надвинулась на худенькую, невысокого роста девушку.

– Кто это? – шёпотом спросил Михаил у Кати.

– Классная дама Марья Александровна, «немка», – так же тихо ответила сестра. – Злая – ужас!

И тут случилось неожиданное. Высокий, широкоплечий камер-паж в парадной форме быстрым, но чётким шагом приблизился к «немке» и встал перед ней, загородив собою Дашу.

– Мадам, – строгим низким мужским голосом произнёс Михаил, – прошу вас не употреблять брань в присутствии посторонних!

На минуту Марья Александровна опешила, но тотчас взяла себя в руки. Она не могла показать свою растерянность перед воспитанницами.

– Что вам здесь надо, сударь? Кто вы такой?

– Я князь Комнин, камер-паж его величества. А кто вы, мадам?

– Комнин, Комнин... – как будто что-то вспоминая и игнорируя последний вопрос, повторила фамилию наставница. – Вы случайно не...

– Да, вы совершенно правы, мадам. Я здесь не случайно, – не давая ей закончить фразу, оборвал Михаил, – и завтра же доложу государю о вашем негодном примере поведения, который вы подаёте этим девушкам! Не думаю, что его величеству это придётся по душе.

Последний довод, непривычный для всех присутствующих, поверг Марью Александровну в смятение. Лицо её покрылось багровыми пятнами, она поджала губы и покинула залу.

Михаил оглянулся в поисках Дашы, но та уже убежала. Государь, конечно, знал Михаила в лицо, но заговорить с августейшей особой по своей инициативе ему было невозможно.

– Ты что, действительно пожалуешься императору?.. – испуганно спросила Катя.

– А если и пожалуюсь, так что же? – ответил Михаил, ища глазами Дашу.

– Мне могут не дать завершить учёбу, вот что! Эта «немка» злопамятная, найдёт за что взъесться. Я и так никогда примерным поведением не отличалась – столько раз наказывали просто так! Ты не знаешь, чего мне стоило все эти годы выдерживать их порядки!

Михаил имел представление о строгом режиме в Смольном из прежних рассказов сестры, но знал и о характере Кати. Её ничто не могло усмирить. Он, конечно, не думал о том, чтобы пожаловаться государю, однако, для того чтобы припугнуть класную даму и как-то защитить подругу сестры, которая ему сразу понравилась, использовал эту призрачную возможность.

– Знаешь, Мишель, Даша Новосельская из дворянской семьи, – рассказывала ему Катя, когда они присели на стоящую у стены скамейку, – но отец её обеднел, живёт где-то в селе, в Черниговской губернии. В дочери души не чаёт, но навестить за всё время учёбы в Смольном не смог из-за отсутствия средств. И она ни разу не была дома на вакации по той же досадной причине. Представляешь, с младых ногтей не видеть родителей!? А ещё он написал ей, что слепнет. Не знаю, от болезни иль от горя... Она такая тихая, скромная, видимо, за это ей больше всех доставалось от воспитательниц. Особенно в младших классах. А Даша замечательная! Она меня однажды от наказания спасла, а я её от смерти.

– Как это? – сразу оживился Михаил. – Расскажи.

– Графиня Бурден вела у нас французский язык. Русский она знала намного хуже, но ругаться обожала только по-русски. Причём словами, которые и в солдатских казармах не часто употребляют. Многому мы у неё научились, в общем, – кроме французского. Квартира её была при институте, для уборки и обслуживания ей выделили служанку. Однако в тот день, когда к ней в гости какой-то чин должен был приехать, служанка то ли ушла, то ли графиня сама её выгнала. Вот и приказывает она мне и Даше квартиру прибрать. Сейчас бы она не осмелилась, потому что этого делать нельзя, мы дворянки. Но тогда ещё крошками были!

Прибрались мы, значит, а вечером к ней гости приехали. На следующий день она вызвала нас и спрашивает:

– Кто из вас десять рублей взял?

Посмотрели мы с Дашей друг на друга и головами замотали:

– Не брали мы ничего.

– Вы лучше признайтесь, тогда, может быть, и прощу!

Мы отрицаем всё – ведь не брали же!

– Если не признаетесь, получите самое позорное наказание.

А наказание было такое: снимали с девочки передник, прикалывали к платью на груди грязную бумагу с надписью «Воровка» и ставили в столовой за чёрный стол. Там она целый день должна была простоять.

Я не выдержала – это я потом только сдерживать свои эмоции научилась – и говорю Бурденихе:

– Вы нас хотите несправедливо наказать за то, чего мы не совершали! А может быть, вы всё это выдумали?

Она как сверкнёт глазами:

– Я так и знала, что это ты, Комнина!

Говорю ей:

– Что бы я ни сказала, вы всё равно будете твердить, что это я.

Она:

– Вы себя выдали, Комнина! На воре шапка горит!

Тут Дашка выскочила вперёд:

– Это я взяла!

Графиня Бурден посмотрела на неё так внимательно и говорит:

– Молодец, что призналась. Но наказание принять всё-таки придётся. Сразу надо было отвечать!

Целый день Дашка с этой бумагой простояла. Все ходили и презрительно на неё глядели. – Зачем ты неправду сказала? – спрашивала я у неё потом.

А она мне:

– Я тебя знаю, ты бы постояла-постояла да и тарелкой в эту графиню запустила. Потом бы из института исключили.

Девчонки её сторониться стали, никто на уроках рядом не садился. Только я. Однажды кто-то плохим словом обозвал, смотрю, она сама не своя, вскочила и вверх по лестнице побежала. Меня словно током ударило – я за ней. Она лёгкая, быстрая; пока я добежала, Даша уже в слуховое окно наполовину высунулась, перевалилась и вот-вот на крыше окажется. Ты видел высоту здания нашего, крыша в тот день скользкая была, снежком припорошённая. Схватила я её за ноги и давай тянуть назад. Не хотела Дашка, упиралась, но всё-таки мне удалось вытащить её на лестницу. Долго потом сидели, плакали обе. С тех пор мы неразлучны. И когда вместе, никто нас обидеть не смеет!

– И что, об этом так никто и не узнал? – спросил Михаил, напряжённо слушавший эту историю.

– Насмелилась я однажды к великой княжне Ольге подойти, она у нас занималась иногда. Ну и всё высказала. После этого графиню Бурден сразу убрали. Ой, да что это я всё о себе! Как ты? Что дома?

– Дома скучно, батюшка в Италии, маменька болеет, Буцефал хромает, но Фёдор обещал к следующему моему приезду выправить ему ногу. Только вот не знаю, когда снова удастся побывать в имении... В этом году выпускаюсь, так же как и ты. Что впереди, лишь гадать можно...

– А у нас выпускной бал скоро! Папа, наверное, не сможет приехать. А ты? Приедешь?

– Обязательно.

– Товарища своего прихвати, о котором рассказывал, чтобы было с кем потанцевать!

– Павла, что ли? Да он скромняга!

– Скромный – это хорошо. Смелых у нас самих хватает! – заявила Катенька и весело рассмеялась.

Роскошная, богато украшенная карета, запряжённая тройкой гнедых, подкатила к главному подъезду Зимнего дворца. Нарядно одетый кучер слез с козел, откинул подножку. Дверца распахнулась, и из обитого красным бархатом, шёлком и кожей нутра выскочил молодой высокий камер-паж в парадном мундире. Он подал руку полному, с небольшою бородкою мужчине в безукоризненном фрачном костюме с бабочкой.

– Осторожно, батюшка.

– Ну-ну, Михаил, – улыбнулся князь, – я ещё сам могу.

Однако от руки сына не отказался. В последние два года князь сильно сдал: не ладились дела на службе, жена, оставшаяся в России, совсем расхворалась, в Италии он был лишён привычной обстановки, что при консервативном характере постоянно угнетало его. Всё это отрицательно сказывалось на здоровье. Однако пропустить выпускной бал любимой дочери он не мог и потому приехал, не побоявшись дальней дороги. В петербургском особняке к приезду хозяина навели идеальный порядок: сверкал начищенный паркет, сквозь прозрачную ясность оконных стёкол виднелись аккуратно убранные дорожки сада; с портретов в золочёных рамках строго смотрели высокородные предки; изящные изгибы дорогой мебели в двадцати комнатах прекрасно сочетались с мягкой глубиной персидских ковров, расшитых затейливыми узорами. Слуги подновили карету, которая использовалась только для торжественных и важных выездов, а остальное время пылилась в дальнем углу каретного сарая.

Отец и сын неторопливо вошли внутрь, где их уже ждал Павел.

С самого утра смолянки готовились к праздничному выпускному вечеру. Кто-то репетировал свою партию на музыкальных инструментах, снова и снова повторяя, казалось бы, уже навсегда вбитые в голову такты; кто-то вальсировал, упоённо кружась по дортуару меж кроватями; но большинство гладило праздничную одежду, распрямляя каждую складочку. Из рук в руки передавались пудра, кремы, румяна и французские духи, расчёсывались и укладывались волосы. Сегодня они героини дня и должны выглядеть перед родственниками и многочисленными приглашёнными как можно лучше.

– Дамы и господа, прошу рассаживаться! – прозвучал голос распорядителя.

Сразу послышался шум отодвигаемых стульев.

Михаил с Павлом сели рядом, князь нашёл кого-то из знакомых, чья дочь тоже была в выпускном классе, и пристроился около семейной пары. Зал пестрел от разнообразия костюмов, парадные офицерские мундиры соседствовали с фрачными парами. Кадеты и юнкера сидели кучно, им предстоял танцевальный марафон. Строгость и суровость одеяния мужчин разбавлялась высокими причёсками и обнажёнными плечами дам. Присутствующие притихли, ожидая начала; лишь в ложе, где сидела августейшая семья, о чём-то переговаривались.

На сцену вышла высокая, прямая как жердь дама в зелёном платье из панбархата и, глядя поверх голов сидящих, объявила:

– Начинаем наш концерт! Глинка. «Ноктюрн ми бемоль мажор». За роялем – Дарья Новосельская.

Михаил выпрямился и застыл. Из-за портьеры показалась Даша – тоненькая, порывистая, смущённая – она поклонилась и уселась за инструмент. Несколько мгновений девушка сидела, прислушиваясь к себе, словно рождая внутри звуки, которые сейчас должны прозвучать. Вдруг легко коснулась клавишей длинными, тонкими пальчиками, и чистая, светлая мелодия наполнила зал. Она то взлетала высоким аккордом, то мягко ниспадала журчащим ручейком. Музыка обволакивала каждого, и хотелось взлететь вслед за её чарующими звуками. Пальцы пианистки порхали по клавишам. Вверх, вверх, ещё выше – до надрыва, до слёз... И сразу вниз, на равнину, медленным грустным упоением...

Михаил сидел не шевелясь, казалось, он даже не дышал. Павел повернулся к нему, хотел что-то сказать, однако, увидев неподвижное лицо друга, только покачал головой.

Прозвучал последний аккорд. Даша встала, окинув зал невидящим взглядом, и поклонилась. Тишину взорвал зрительский восторг. Михаил вскочил, ему показалось, что Даша заметила его. От хлопанья у него покраснели ладони. Девушка ещё раз поклонилась и исчезла за занавесом. Зал нехотя затихал.

Вновь на сцене появилась высокая дама и объявила следующий номер:

– Чайковский. «Старинная французская песенка». Исполняет Екатерина Комнина.

Катенька живо выскочила на сцену. Улыбаясь, сделала книксен и подлетела к стоящей около рояля арфе.

– Твоя сестрёнка? – спросил Павел, хотя и так было понятно, что это Катя.

– Да, она, – улыбаясь, ответил Михаил.

– Симпатичная. Познакомишь?

– Конечно.

Раскованная, свободная и независимая Екатерина заметно отличалась от своей скромной подруги. Тихо зазвучали струнные переливы, и полилась плавная, волнующая мелодия. Вместо холодных петербургских каменных громад перед взором Михаила возникли родные тёплые просторы Полтавщины: усадьба, конюшня, мягкие и влажные губы Буцефала, когда он благодарно принимал с его ладони горбушку. И так захотелось туда, в родной дом, побродить по окрестным лугам и рощам, ускакать далеко-далеко на вороном жеребце, спешиться на скошенное поле, броситься в стог и зарыться лицом в духмяное сено...

Очнулся он от грохота аплодисментов и толчка в бок.

– Ты что, заснул, Мишель? – улыбнулся Павел.

– Да так... Навяло что-то. Будто Катюшка перенесла меня в наше имение на Полтавщине.

– Здорово играла, молодец у тебя сестра! Красивая, да ещё так прекрасно музицирует! – с восхищением произнёс друг.

После концерта Катя бросилась сначала на шею отца, потом подхватила за руку Дашу и подвела к молодым людям. Михаил обнял сестру, повернулся к её подруге, взял тонкую руку и прижался к ней губами:

– Вы замечательно играли, Дашенька!

Девушка смутилась, но тотчас нашлась с ответом:

– Это вы замечательно слушали, Михаил.

– Увы, нам редко выпадает возможность послушать музыку. Вы доставили мне несравненное удовольствие!

Даша смутилась окончательно и теперь не знала, что сказать.

Положение спасла неумолимая Катенька:

– Мишель, а что ты нас со своим другом не познакомишь?

– Ах да, прошу прощения! – Михаил благодушно повёл рукою сначала в сторону сестры. – Это Катя.

Девушка, состроив любезную улыбку, присела в книксене.

– Павел.

Камер-паж щёлкнул каблуками.

– А это Даша.

Девушка сделала книксен, опустив голову, видимо, не оправилась ещё от смущения.

– Павел. – Друг Михаила щёлкнул каблуками и кивнул ей в ответ.

– Господа камер-пажи! – звонко воскликнула Катя. – А не угостите ли вы ваших дам чем-нибудь вкусненьким? Буфет ждёт! – И показала рукой в сторону боковой гостиной.

Такого обилия закусок и напитков девушки ещё никогда не видели. Питание в институте было весьма скудным, воспитанницы всё время мечтали о лишнем куске хлеба, а ложась вечером в холодную постель, плакали от голода. В посты случались голодные обмороки, в лазарете иногда не хватало мест для больных. Но сейчас их глаза разбегались от мясных деликатесов, сыров и колбас всех сортов, вкусных пирожков, копчёного угря, зернистой и паюсной икры, консервов из омаров, паштетов из дичи, шоколада, нарзана, лимонада, водки, коньяка и даже заграничного шампанского.

Спустя несколько минут они уже наслаждались тёмно-коричневым балыком, пробовали тонкие ломтики буженины и румяно-копчёную телятину, запивая всё это лимонадом в запотевших бокалах. Даша потянулась было за аппетитными конфетками с печеньем, но тут опомнилась Катя:

– Дашутка, скоро танцы, а мы ещё не готовы! Бежим, пока нам не досталось!

Подруги ретировались, оставив камер-пажей в задумчивости.

– Сестрёнка твоя – необыкновенная девушка! – снова восхитился Павел. – В ней какая-то неудержимая энергия! Всех вокруг заряжает.

– А Дашенька такая милая и скромная, такая тихая и приветливая... Хочется защитить её от всех напастей, – добавил Михаил.

Друзья посмотрели друг на друга и весело рассмеялись.

Взглядом Михаил нашёл отца и направился в его сторону.

– Батюшка, вы не представляете, какой здесь богатый буфет! Мы сейчас были там с Катей и её подругой.

Константин Михайлович повернулся к сыну, оторвавшись от разговора со знакомыми:

– А знаешь ли ты, на какие средства он организован? Как и весь выпускной.

Михаил недоверчиво уставился на князя: его уже осенила догадка, но он не желал признать её.

– Неужели... вы, батюшка?!

– Да-да. Я пожертвовал солидную сумму, – кивнул отец и едва слышно добавил: – Чего не сделаешь ради любимой дочери.

– Бал! Бал! – раздался громкий голос распорядителя, и Михаил с Павлом ринулись в огромный танцевальный зал, где вдоль стен уже выстраивались в линию молодые люди в чёрных тройках и кадеты, юнкера, офицеры в мундирах. Кучками стояли родители, преподаватели, приглашённые гости. Все замерли, ожидая выхода воспитанниц.

Откуда-то сверху донеслись приглушённые звуки оркестра. Музыкантов не было видно, и казалось, что музыку издают высокие белые колонны, ею гудят и вибрируют стены.

Под торжественные звуки полонеза тяжёлые двери отворились, и, плавно скользя по паркету, во всём белом, одна за другой, показались юные выпускницы. Создавалось ощущение, что из обрамлённого тяжёлыми шторами проёма, словно из сказки, выплывают на поверхность зеркального паркетного озера грациозные лебеди с гладко зачёсанными головками. Девушки остановились напротив взволнованных юношей, а те горящими от нетерпения глазами разглядывали нежные создания, с которыми им предстояло соприкоснуться в танце.

Полонез сменился вальсом. На мгновение юноши замешкались, выбирая дам.

– Разрешите мне пригласить вас на танец! – Михаил остановился перед Дашей, слегка наклонив голову, но глядя ей прямо в глаза.

– Я согласна, – произнесла она тихим голосом, совсем забыв этикетную фразу, которой её учили отвечать на приглашение кавалера, и сделала реверанс.

Оба смутились ещё больше. Молодой человек подал Даше правую руку, а Даша ему левую, и они двинулись в центр зала.

Павел как можно быстрее через толпу пробрался к Кате:

– Позвольте иметь удовольствие пригласить вас на вальс!

Катя озорно улыбнулась:

– Позволяю! И желаю разделить его с вами.

Павел никак не ожидал такого нестандартного ответа и растерялся, покраснел, на лбу выступила испарина. Видя замешательство кавалера, Катя взяла его под руку и увлекла туда, где уже кружились танцующие.

Ах, как изящно этот непокорный завиток, совсем не желающий находиться в причёске, лежит у неё на шее! Ах, как бьётся эта едва заметная голубая жилка рядом с ним! Как великолепно выглядит тонкая нитка жемчуга на её белоснежной коже! Лишь самая крупная чёрная жемчужина посередине, словно старшая из прочих, допущена до ложбинки, чтобы возглавить драгоценный ручеёк, стекающий туда, куда не смеет заглянуть очарованный паж...

Михаил вёл свою партнёршу осторожно, едва касаясь её талии. Когда их руки соединились, внутри него всё дрожало и трепетало, и он боялся, чтобы Даша не заметила этого. Но девушка всё замечала, хотя старалась не встречаться с Михаилом взглядом. Она никак не могла объяснить себе, почему этот высокий, красивый молодой человек, Катюшкин брат, так неудержимо влечёт её.

– Какое у вас красивое ожерелье! – наконец решился произнести Михаил.

– Это от покойной маменьки подарок. Я первый раз его надела.

– Вам очень идёт! – подтвердил юноша, не зная, как продолжить разговор. – А где проживают ваши родные?

– На Черниговщине, – после некоторого раздумья ответила Даша.

– У вас красивое имение?

– Красивое, – нехотя ответила девушка.

– А среди гостей есть кто-то из ваших родных?

- Нет, – снова коротко, не считая нужным вдаваться в подробности, произнесла она.
- Неужели никто не приедет за вами?!

– Не знаю, – почти резко ответила Даша, показывая, что продолжать эту тему для неё невыносимо.

До конца танца Михаил не проронил ни слова. После финальных аккордов он молча довёл партнёршу до её места. И тут же к ним подлетели Катя с Павлом.

– Ух, здорово! – Катя была, как всегда, весёлая, задорная, покрасневшаяся. – Жаль, государь и государыня не присутствуют. Но великий князь тут. Вот бы меня пригласил!

– Покажи ему, что танцуешь лучше всех, и он тебя пригласит, – подшутил над сестрой Михаил.

– И покажу! – сразу нашлась Катя. – Сударь, я объявляю следующий танец для себя белым и приглашаю вас, – поклонилась она брату.

– Да ну тебя, Кэт!

– Нет, правда, Мишель! Мы с тобой целый век не танцевали! Пусть великий князь позавидует!

– Тише, болтушка, – оглянулся по сторонам Михаил.

Но когда объявили кадрили, он не сдержался, поклонился сестре, шаркнул ножкой и торжественно попросил:

– Мадмуазель Кэт, позвольте мне иметь удовольствие пригласить вас!

– С радостью, месье Мишель.

Брат и сестра действительно составили прекрасную пару и великолепно танцевали. Это, видимо, и послужило причиной того, что через несколько танцев великий князь и в самом деле пригласил Катюшу.

Танцы сменялись один другим: полька-бабочка, падекатр, венгерка и вновь кадрили. В какой-то момент помощники распорядителя вынесли на шпагах разноцветные ленты-перевязи и короткие, узкие ленточки с бубенцами.

Михаил передал перевязь Даше, и она немедленно надела её на плечо. Потом он попросил девушку подать ему руку и осторожно повязал на неё узкую ленту с бубенчиками. Взглянув в глаза своей партнёрше и задержав руку, юноша наклонился и поцеловал её, вдохнув чарующий аромат французских духов, которые выпускницы уже могли свободно использовать. Это означало нечто большее, чем простая любезность.

Даша оторопела и не придумала ничего лучше, как сделать книксен, прошептав:

– Благодарю вас.

Подошла Катя под руку с Павлом и пригласила всех в буфет. Михаил и Даша восприняли это предложение с энтузиазмом, поскольку уже немного подустали и проголодались.

Когда объявили последний танец – мазурку, стояла глубокая ночь. Михаил не хотел расставаться с Дашей и нежно сжимал её руки.

– Даша, увы, время пролетело незаметно, и я, батюшка и Катюша уезжаем домой. Но мы обязательно встретимся! За вами кто-нибудь приедет?

– Не знаю, – прошептала девушка.

– Как же так? – попробовал было возмутиться Михаил, но тут появилась Катя:

– Даша, поторопись! Нам надо переодеться и собраться!

– Пардон, Мишель, – сразу встрепенулась Даша, высвободила свои руки и ускользнула.

У парадного подъезда выпускниц ожидали разномастные экипажи. Здесь можно было увидеть и богато украшенные кареты, и простые коляски, и лёгкие пролётки, и элегантные ландо. Воспитанницы, на протяжении девяти лет не отличавшиеся друг от друга ни одеждой, ни пищей, ни средствами гигиены, вдруг в один миг превратились в богатых наследниц знатных родов и скромных дочерей разорившихся дворян.

Март выдался холодным, и юным особам, поспешившим сбросить надоевшую форму из камлота, долго стоять на выходе из Зимнего было нежелательно. Одних лакеи в раззолоченных ливреях облачали в соболя, другим подавали меха подешевле – рыжие лисьи, сурковые и даже заячьи.

На широком крыльце задержались только Катя и Даша, вышедшие последними.
– Пошёл! – приказал князь кучеру. – Подъезжай.

Парадная карета Комниных затормозила у крыльца. С запяток соскочил лакей, набросил на Катю роскошную горностаевую шубу и помог сесть внутрь. Лошади тронулись.

Даша осталась в одиночестве, низко опустив голову. На ней было простенькое на вате пальто, купленное на выходное пособие, которое выдавалось выпускницам на первое время после окончания учёбы.

– Постой! – крикнул кучеру Михаил, всё ещё смотревший на девушку в заднее окошко. Карета остановилась.

Поддерживаемый маленьким оборванцем, к Дашеньке подошёл старый человек, одетый по-крестьянски. Он накинул на её плечи подарок – платок, вязанный из толстых шерстяных ниток, и сунул в руки несколько аршин красного ситца, чтобы она сшила себе столичное платье.

Это был её отец. Слепой разорившийся дворянин, оставшийся без денег и семьи, пришёл в сопровождении мальчика-поводыря пешком из Черниговской губернии. Дрожащими от волнения руками он обнял дочку и в растерянности целовал её, плачущую от жалости к нему, к себе и к своей горькой судьбе. Она знала, что он снял номер в дешёвой гостинице, едва отличавшейся от ночлежки, на самой окраине Петербурга. Сейчас они должны были найти извозчика, чтобы доехать до этого злополучного места.

Катя, бывшая в курсе всех бед подруги, быстро рассказала обо всём отцу и брату, внимательно следившим за Дашей из кареты. Михаил вопросительно посмотрел на отца, и тот, поняв сына без слов, кивнул.

– Разворачивай! Подъезжай! – крикнул Михаил кучеру.

Карета развернулась и подъехала к крыльцу. Из-за плеча отца Дашенька с ужасом видела, как понравившийся ей юноша приближается к ним, а вслед поспешает слуга. А она-то думала, что Катя с братом уже уехали, и сейчас готова была сгореть от стыда! «Боже, Боже, пусть разорвётся моё сердце, пусть я умру, только бы он не увидел меня в таком положении!» – лихорадочно молила она Господа, пряча заплаканное лицо.

– Дашенька, покорнейше прошу простить меня. Мой отец, Катя и я приглашаем вас с вашим батюшкой отужинать сегодня у нас.

Испуганно и непонимающе смотрела Даша на Михаила. Ей уже было всё равно, апатия и равнодушие, так часто сменяющие колоссальное нервное напряжение, сделали её безучастной.

– Дочка, мне кажется, можно принять предложение этого любезного молодого человека, – спас положение её слепой отец. И, повернувшись на голос Михаила, добавил: – Мы благодарим вас за доверие и доброту.

Михаил взял Дашу под руку и осторожно повёл к карете. За ними лакей и мальчишка-поводырь повели её отца.

После ужина, несмотря на приподнятое настроение, все отправились почивать. День выдался трудный, чувствовалась усталость. Катя увела подругу в свою комнату, а отцу Даши выделили отдельное помещение для гостей. Мальчишку отправили ночевать в лакейскую.

Устроившись спать рядом, как привыкли в дортуаре Смольного, девушки ещё долго беседовали, перебирая события столь важного в их жизни дня.

– Катюша, мне кажется, я влюбилась в твоего брата, – с каким-то отчаянием призналась подруге Даша, привыкшая доверять ей свои девичьи тайны.

– Это пройдёт, Дашутка! Ты же помнишь, как мы восторженно относились к любому представителю мужского пола, не важно, священник это, учитель или император. Вспомни, как мы дарили предмету своего детского обожания подарки на праздники, проходили «ритуальные» мучения, чтобы быть его «достойной»: вырезали ножиком или даже выкалывали булавкой инициалы «божества», ели в знак любви мыло или пили уксус, пробирались ночью в церковь и молились там за его благополучие. Бог мой, какие мы были глупышки!

– Да, Катюша, но эти наивные восторги давно позади, мы выросли. Здесь другое... Уже взрослое. Мишель необыкновенный! – со странной улыбкой произнесла Даша. И лишь спустя некоторое время опомнилась: – А как тебе Павел?

– Ничего, симпатичный, – скривилась Катя и зевнула. – Давай спать, уже так поздно.

Зная подругу, Даша поняла, что Катя не испытывает к Павлу того, в чём призналась она.

В июне воспитанники старшего специального класса Пажеского Его Императорского Величества корпуса сдали выпускные экзамены. По их результатам выпускник Михаил Комнин был отнесён к первому разряду. Это означало, что он будет выпущен корнетом в гвардейскую кавалерийскую часть. Павел был отнесён ко второму разряду, а значит, он также выпускался в гвардейскую или армейскую части. Напоследок выпускникам предстояло пройти военные учения в Красном Селе под Петербургом.

– Посмотри, как здорово! – проговорил Михаил, показывая рукою на расстилавшийся перед ними пейзаж.

– Красивое место, – согласился Павел, внимательно всматриваясь в окрестности.

Они стояли на возвышенности, где находился главный лагерь, тянувшийся на несколько вёрст с севера на юг параллельно Балтийской железной дороге – фронтом, то есть лицом, на запад. Пажеский барак находился на самом краю лагеря, на левом фланге. Напротив него располагалось Дудергофское озеро с его купальнями и многочисленными лодками. На противоположной стороне водоёма виднелся авангардный лагерь, который занимали военные училища и гвардейские кавалерийские части, в одну из которых предстояло выпускаться Михаилу.

Первые десять дней камер-пажи специального класса занимались топографической съёмкой в окрестностях Петергофа. Это занятие было весьма увлекательным. Местность делилась на участки площадью примерно с квадратную версту, которые разыгрывались вслепую между парами камер-пажей. Пары подбирались выпускниками самостоятельно, работа вдвоём была обусловлена тем, что управляться в одиночку с мензулой и кипрегелем было затруднительно. Будущие офицеры визировали характерные точки на местности, определяли расстояние до них по дальномеру, высчитывали по вертикальному углу и расстоянию превышение точки, черчивали на мензультном планшете линию и проставляли размер дальности. Выполненную работу принимали офицеры Генерального штаба. По её результатам выставлялись отметки. Михаил и Павел неизменно оценивались по высшему баллу, что учитывалось при распределении в воинские части.

После того как курс топографической съёмки завершился, камер-пажи старшего специального класса были направлены для ознакомления в воинские части, куда по получении приказа о присвоении офицерского звания им надлежало выпускаться.

В начале июля документы были получены.

– Михаил, куда тебя? – поинтересовался Павел, держа в руках свой листок.

– Кавалергардский Ея Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны полк, – слегка красясь, произнёс Михаил. – А тебя?

– Лейб-гвардии Конный полк, – в тон товарищу ответил Павел.

– О! В одной дивизии будем служить! И даже в одной бригаде.

Михаил, конечно, знал о ходатайстве отца перед государем с просьбою определить его в Кавалергардский полк, в который принимались не только отпрыски древних и знатных родов, но и те, кто был способен оплачивать престижную и дорогостоящую службу.

Друзья познакомились с командованием и офицерами полков, с будущими сослуживцами. Весь август был насыщен марш-бросками, выездкой, конными атаками на условного неприятеля и джигитовкой, которую ввели для воспитания силы и ловкости, умения ориентироваться в сложной боевой обстановке и спасти свою жизнь и жизнь товарища. В джигитовке тренировались стрельба с коня и рубка, захват предметов с земли, подъём на коня пешего товарища и транспортировка раненого одним или двумя всадниками. Далеко не всем удавалось выполнять эти непростые упражнения.

В полдень двадцатого августа из Петербурга прискакал посыльный:

– Завтра парад! Будет присутствовать сам государь!

Камер-пажи засуетились и принялись взволнованно готовиться к этому ответственному мероприятию. Завтра они официально станут офицерами! Экстренно приводилась в порядок парадная форма, два месяца пролежавшая в ожидании важного дня.

Ровно в двенадцать часов в главный лагерь прибыли государь император с супругой и наследник – великий князь Алексей Николаевич. Подойдя к строю, государь принял рапорт директора корпуса и в сопровождении блестящей свиты прошёл перед застывшим по стойке смирно пажеским строем. Затем он произнёс речь, в которой коротко поздравил выпускников с окончанием обучения, и передал слово директору Пажеского корпуса, который напутствовал собравшихся:

– Не забывайте, что имена ваши принадлежат Пажескому корпусу! Каждый паж будет краснеть за вас или гордиться вами – в зависимости от ваших поступков! Желаю вам, чтобы последующие воспитанники нашего корпуса по прошествии многих лет с чувством благодарной гордости могли сказать, вспоминая вас: «И он был пажом».

Следом были зачитаны приказы о присвоении камер-пажам воинских званий с вручением погон. По традиции император вручил приказ своему пажу – Михаилу Комнину, императрица – своему, а военный министр всем остальным. Получая приказ из рук государя, Михаил внутренне собрался и, глядя императору в глаза, тихо произнёс вне устава:

– Служу царю и Отечеству!

– Спасибо, паж! – отвечивал государь.

Зазвучала команда:

– К церемониальному маршу...

Вынесли знамя корпуса.

После окончания парада, на котором выпускники продемонстрировали отличную строевую подготовку, государь обратился к молодым офицерам:

– Благодарю вас, господа, за службу, за вашу бескорыстную преданность, за ваше честное служение престолу и Родине! Я твёрдо уверен, что эти заветы, передаваемые из поколения в поколение, всегда будут живы в вашем сердце. Пример прежних пажеских поколений, многие потомки коих присутствуют здесь, убеждает меня в том, что и вы с тою же доблестью, столь же честно и верно будете служить вашему императору и дорогой нам Родине – нашей России! Желаю вам здоровья на многие годы!

– Рады стараться, ваше императорское величество! – нестройно прокричали выпускники и грянули громовое «ура».

На следующий день в церкви при военном корпусе был произведён торжественный молебен. На прощание бывшим пажам выдали по пятьсот рублей подъёмных на пошив гвардейского обмундирования и первоначальное обустройство.

Глава V

Кавалергард

Мы не стремимся быть первыми, но никого не допустим быть лучше нас.

Граф А. И. Мусин-Пушкин, генерал от кавалерии

Целый месяц отпуска – какое счастье! Можно поехать куда угодно, покрасоваться новым, с иголки, мундиром, который, правда, ещё только предстоит сшить. Но главное – можно погулять с Дашенькой по Петербургу, хотя бы несколько дней, до той поры, пока отец не увезёт её в черниговскую деревню.

Михаил испытывал странное томление, когда Даша брала его под руку и они гордо прогуливались по Невскому проспекту. Однако, как ни просил он время замедлить свой бег, оно неумолимо текло вперёд. Завтра предстояло расстаться.

– Дашенька, ещё один день мы проведём вместе...

Они остановились в какой-то арке, и девушка подняла глаза на расчувствовавшегося Михаила.

– Мишель, я чувствую, что мы расстаёмся ненадолго, не допустит иного Господь.

– Я приеду к тебе, обязательно приеду! Только форму сошью и приеду.

– Нет-нет, – вдруг встрепенулась Даша, – не приезжай! – И тихо добавила: – Ко мне не надо.

Михаила задела её слова, в глазах стояло недоумение.

– Не хочешь?

Девушка сжала зубы, лицо выразило подавленное страдание. Она отрицательно покачала головой.

– Но почему?..

Даша ничего не ответила.

– Тогда приедешь ко мне! – не допускающим возражения тоном проговорил Михаил. – Вы недалеко от нашего имения находитесь, я пришлю за тобой.

– Не надо присылать... я сама...

Михаил снова взглянул на Дашу, хотел было что-то возразить, но передумал.

Они допоздна гуляли по городу. Юноша поймал извозчика, который довёз их до особняка Комниных, где уже несколько дней гостили отец и дочь Новосельские. Пройдя по узкой аллее, они подошли к парадному входу. Здесь Михаил задержал девушку:

– Мы с тобой в последний раз наедине... И я хочу сказать, – всегда смелый и решительный, Михаил начал заикаться, – я... я... люблю тебя.

Даша подняла голову, всматриваясь в его лицо, едва освещённое тусклым светом фонаря над входом.

– И я... тебя... тоже.

Она приподнялась на цыпочки и коснулась губами губ Михаила.

То, что в гвардейскую кавалерию рядовые и унтер-офицеры отбирались по внешним данным, Михаил, конечно же, знал. Объяснялось это необходимостью участия в придворной службе: дворцовых церемониях, почётных караулах, встречах иностранных посланников и похоронных процессиях. По внешнему облику, без знаков различия и мундиров, легко можно было определить принадлежность к определённому гвардейскому полку. Правда, офицеров такой отбор не затрагивал.

Знакомясь с Кавалергардским полком, в котором ему предстояло служить, Михаил обратил внимание, что службу в нём несут высокие голубоглазые и сероглазые безбородые блондины. В другом полку из 1-й гвардейской бригады – лейб-гвардии Конном, он разглядел жгучих брюнетов с усиками. Это отличие объединило тех, кто служил в полку в разное время, в сообщество, названное «кавалергардской семьёй».

Обмундирование, которым Михаил любовался лишь издали, теперь необходимо было примерить на себя, но прежде разобраться в нём.

Мундир-колет белый, однобортный, застёгивающийся на крючки. Воротник с закруглёнными углами и обшлага красного цвета. Полковой цвет у кавалергардов – алый. Для почётных караулов во дворце полагается парадная форма. Поверх мундира надевается кираса из красного сукна; на ноги – лосины из белой замши, которые можно натягивать только в мокром виде, и ботфорты из твёрдой чёрной кожи, подбитой белой замшей. Поверх колета надевается кираса, её носят только с каской при парадной и будничной форме. Она изготовлена из латуни, обшита шнуром красного цвета вокруг отверстий для головы и рук, по бокам до низа и вдоль нижнего края. Подкладка чешуйчатых ремней и пояс – из красной кожи. Если к этому прибавить николаевскую шинель с пелериной и бровровым воротником, то можно понять, как дорог гардероб гвардейского кавалерийского офицера. Хоть Михаил и был отпрыском состоятельной семьи, как и многие перед выпуском, он сделал заказы у разных портных: первые номера мундира – у более дорогих, вторые и третьи – у дешёвых.

Кроме обмундирования, каждый офицер, выходя в полк, должен был предоставить двух собственных коней, соответствующих требованиям строевой службы. С этим у Михаила проблем не было: личная конюшня в имении обеспечивала достойный выбор.

Наконец обмундирование было получено, день отъезда в имение выбран. Скорою почтою Даше полетело письмо:

«Милая Дашенька!

Со дня отъезда твоего мысли мои не успокаиваются. Всё думаю о тебе, всё представляю тебя такую, какою видел в час расставанья. Знаю, что скоро увижу твои печальные глаза, коснусь дурманящих волос, прижмусь щекою к руке.

Дела мои большей частью улажены, теперь уже нет никаких препятствий для нашей встречи. Ты так глубоко вошла в моё сердце, что жизнь без тебя мне кажется пустою. Сначала ты приедешь в Боровое, потом мы вместе отправимся в Черниговскую губернию. Я намерен испросить руки твоей у батюшки. А затем напрямик в столицу.

Твоё прошение о преподавании в Смольном институте без внимания не осталось, только неуверен, что сие тебе сейчас необходимо.

Выезжаю третьего дни и жду у себя твоего приезда.

Обнимаю, целую тысячу раз.

Всегда твой Мишель».

Дверь распахнулась, и в полукруглую залу вбежал лакей.

– Приехали-с, ваше сиятельство! – прокричал он, с трудом переводя дыхание. – Вьезжают!

Михаил выскочил из-за стола, опрокинув стул, на котором сидел, и бросился к выходу.

– Предупреди Катю, – крикнул лакею на ходу, не оглядываясь.

Ворота были открыты, коляска уже въехала. Даша, открыв дверцу и не успев ступить на землю, попала в объятия юноши. Из дома с радостными возгласами выбежала Катя:

– Дашутка, как я соскучилась! – Она бросилась гостю на шею. – Наконец-то ты приехала к нам! – И, несмотря на протесты брата, потащила её в заранее подготовленную комнату. –

Тебе надо переодеться с дороги, привести себя в порядок, отдохнуть. Это для вас, мужчин, – раз, два и готов. – Она подмигнула брату.

Вечером в гостиной шин чай и беседовали втроем. Отец, не заезжая в имение, уехал в Италию, где уже давно в клинике лечилась мать. Потом пошли прогуляться по саду, зашли в беседку. Катя нарочито зевнула и со словами: «Разрешите откланяться, господа, девочку ждёт Морфей» – упорхнула, а Михаил с Дашей долго ещё сидели обнявшись под тёплой курткой юноши, надёжно защищавшей двоих от ночной прохлады.

Утром за чаем Михаил объявил:

– Идём в конюшню! Дамы могут переодеться.

Лошади косились на необычно большое количество людей, идущих по коридору между денниками. Первым шёл Фёдор, за ним Ванька, потом Катя и Даша; замыкал шествие Михаил. Он смотрел на изящную фигурку возлюбленной, одетую в Катину амазонку, так ни разу и не востребованную хозяйкой, и непонятное волнение овладевало им. На какой-то неровности Даша споткнулась, и Михаил, славящийся своей реакцией, поддержал её, слегка приобняв. Девушка обернулась, обменявшись с юношей взглядом, и слегка погладила его по руке. Этого никто не заметил.

– Буцефалушка, хороший мой! – ласкал Михаил крупного вороного жеребца с широкой грудью, тонкими ногами и белой звездой во лбу.

Однако конь лишь косился на него лиловыми глазами и не хотел признавать.

– Запомятовал, ваше сиятельство, давно не были, – оправдывал жеребца Фёдор. – Ну ничего, пообщаетесь, вспомнит. Ванька, выводи! – крикнул он второму конюху. – Седлай!

Тёплое весеннее солнышко отражалось в лоснящейся ухоженной шерсти. Михаил легко и привычно, по-казацки не касаясь стремени, вскочил в седло, тронул Буцефала шагом. Конюх отодвинул жердину ворот.

Слегка наподдав пятками, всадник пустил коня рысью. Вскоре Михаил мчался галопом по широкому лугу на вороном жеребце, а девушки, затаив дыхание, смотрели на слившихся в едином ритме коня и человека.

– Здорово! – восхищённо произнесла Даша, с любовью глядя на Михаила.

– Хочешь прокатиться?

– Нет, что ты! Нам и одного наездника достаточно, – весело рассмеявшись, ответила девушка.

Когда Михаил явился в полк, до закрытия летних лагерей в Красном Селе оставалось всего несколько дней. Предстояло принять присягу и участвовать в параде, которым традиционно заканчивали пребывание на выезде все гвардейские полки.

Офицеры, единодушно принявшие на собрании нового корнета в полк, встретили Михаила приветливо и дружелюбно. Ему вручили для прочтения двухтомную историю полка – роскошно изданную книгу с прекрасными иллюстрациями и планами сражений, в которых участвовали кавалергарды. Знакомясь с двухсотлетней полковой историей, Михаил проникся гордостью, ведь ему было доверено служить в подразделении с такими славными многовековыми традициями. Уходили одни люди, на их место заступали другие, но всегда оставались старожилы, которые помнили прежних сослуживцев, начальников, бывшие порядки. Они передавали новому поколению истории, песни, поговорки, традиции, и благодаря этому дух полка оставался неизменным на протяжении двухсот лет. Теперь его предстояло воспринять двадцатилетнему Комнину.

Наступил волнующий день принятия присяги.

Посредине плаца поставили в ряд несколько столиков, накрытых белыми скатертями, у каждого из которых расположились священнослужители различных вероисповеданий и кон-

фессий. Больше всего принимающих присягу выстроилось к первому столу, где стоял полковой священник с крестом и Евангелием. Рядом – католический ксёндз, лютеранский пастор, магометанский мулла и еврейский раввин. К каждому из них подошли по несколько человек, и только к раввину всего один – здоровенный парень, на голову выше всех присутствующих, со светлой густой шевелюрой и могучими плечами. Винтовка в его огромных руках казалась тоненькой тростинкой.

Михаил с любопытством разглядывал новобранца-гиганта, совсем не похожего на еврея. Он никогда не слышал, чтобы в Кавалергардском полку служили люди этого вероисповедования. Видимо, парень попал сюда за свой рост и недюжинную силу.

Когда подошла очередь, Михаил произнёс волнующие слова присяги:

– Я, князь Михаил Комнин, обещаю и клянусь Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемиловитейшему Великому Государю Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, и Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови...

В эту минуту Михаил, как никогда, чувствовал свою сопричастность к чему-то великому, единение с войском, со всем народом и восторженную любовь к царю.

Вечером в офицерском собрании отмечали принятие в полк новобранцев. Михаила и ещё троих новеньких привёл туда адъютант командира полка.

В просторном светлом зале стоял празднично накрытый длинный стол, за которым сидели все полковые офицеры.

– Сюда, сюда, молодёжь! – несло со всех сторон.

Михаил с чувством облегчения выдохнул, увидев вокруг приветливые, участливые лица. Теперь он действительно поверил, что кавалергарды – одна семья.

– Нужно доложить о прибытии, – шепнул новеньким кто-то из офицеров.

Михаил первым подошёл к командиру. Все офицеры тотчас умолкли. В зале повисла гробовая тишина.

– Господин полковник, честь имею явиться по случаю производства в офицеры и зачисления в Кавалергардский Ея Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны полк... Корнет Комнин.

После докладов остальных молодых офицеров полковник добродушно улыбнулся:

– Ну, церемонии потом, а сейчас обедать.

Михаила подхватили под руки и поволокли к столу, заставленному холодными закусками, графинами с водкой и настойками с наливками. Поручик Гагарин, старший офицер эскадрона, куда определили командиром взвода корнета Комнина, руководил пиршеством.

– Что предпочитаешь, корнет? Водочки?

Михаил замешкался: ему раньше практически не приходилось употреблять алкоголь.

– Не знаю... – промямлил он. – Может быть, наливку...

– Это что за воспитание!? – весело затараторил поручик. – Водка – первейший друг офицера, всегда выручает! Ладно, так уж и быть: пару-тройку рюмочек пропустишь, а потом на свою наливку перейдёшь.

Офицеры наполнили рюмки, Гагарин поднялся:

– Провозглашаю тост за новое поколение, готовое перенять все наши традиции и блюсти честь полка!

Офицеры встали и выпили: такова традиция – за честь полка пьют только стоя.

Прозрачный напиток с непривычки обжёг Михаилу горло. Он слегка поперхнулся, но мужественно допил до конца. И тут же оглянулся проверить, не заметил ли кто его конфуза. Гагарин, слегка улыбаясь, подмигнул ему в ответ.

– Крепок с непривычки, – попытался оправдаться Михаил.

– Ничего, корнет, вторая легче пойдёт! – похлопал его по плечу поручик. – Нам без этого никак.

Вскоре все уже беседовали, громко перебивая друг друга.

– А вот скажите, господин поручик... – попробовал задать свой вопрос Михаил, но Гагарин перебил его:

– В нашей компании в свободное от службы время называй меня на «ты»! Просто поручик. Или по имени. Дмитрием меня кличут. А тебя, я знаю, Михаилом. Мы теперь одна семья! Вот за это и давай выпьем на брудершафт!

Выпили, облобызались троекратно.

– Так что ты хотел узнать?

– Да насчёт этого еврея-новобранца, что присягу принимал.

– А, Соломон... В твоём взводе служить будет.

– Я считал, что среди кавалергардов евреев не бывает.

– Очень мало, но бывают! Хочешь, историю про одного нашего знаменитого еврея расскажу?

– Конечно! – захмелевший Михаил подпёр рукою подбородок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.